300
0-66

А. Орловъ.

Церковь и Государство.

С.-Петербургъ, Невскій пр., 40.
Издательство „Вѣстника Знанія“ (В. В. Битнера).
1910.

244
96

:ч. „Графическаго Института“, Бр. Лукшевицъ. Бассейная, 3.

Церковь и государство.

I.

Введеніе.

Религія есть частное дѣло каждаго человѣка... дѣло его личнаго, внутренняго чувства, его собственнаго разума—и ни одинъ человѣкъ, ни одно учрежденіе, тѣмъ менѣе государство, не должны имѣть силы и власти надъ тѣмъ, что представляется исключительно дѣломъ совѣсти каждаго человѣка... Вотъ истина, которая, казалось бы, ясна сама по себѣ, какъ ясенъ самъ Божій день, которая какъ будто бы принимается и исповѣдуется нынѣ всѣми цивилизованными государствами подъ видомъ свободы совѣсти и религіи... И, однако, до сихъ поръ еще, если не прямо, то косвенно, эта свобода совѣсти во многомъ урѣзана и ограничена вмѣшательствомъ государства въ дѣло религіи. Этимъ вмѣшательствомъ является въ большинствѣ современныхъ странъ Европы прямое покровительство и поддержка, оказываемыя одной или нѣсколькимъ религіямъ со стороны государства, и создаваемыя государствомъ привилегіи и преимущества для исповѣдующихъ одну религію и стѣсненія и разнаго рода ограниченія для исповѣдующихъ другую... Противъ этого ненормальнаго явленія, вреднаго для широкихъ массъ народа, демократія давно уже ведетъ ожесточенную борьбу, которая постепенно заканчивается побѣдою то въ одной, то въ другой странѣ и выражается въ отдѣленіи церкви отъ государства... Что именно разумѣется подъ этимъ требованіемъ отдѣленія церкви отъ государства и почему неизбѣжно это отдѣленіе—мы и намѣрены показать въ настоящей работѣ. Намъ придется для этого обратиться къ выясненію того, что разумѣлось и разумѣется подъ словомъ „религія“, изложить хотя бы вкратцѣ исторію развитія главной религіи народовъ западной Европы, т. е. христіанства, и показать возникновеніе и усиленіе могущества христіанской церкви, ея господство надъ матеріальными и духовными дѣлами какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго государства, и дальнѣйшія ея судьбы. Обрисовавъ современное положеніе духовенства и церкви, отношеніе ея къ государству, ея вліяніе на матеріальную и духовную жизнь народныхъ массъ, мы уяснимъ себѣ и стремленіе къ отдѣленію церкви отъ государства, опредѣлимъ, въ чемъ это отдѣленіе должно состоять и почему оно непремѣнно должно будетъ совершиться. При этомъ юридическій анализъ, по особенности выбранной нами темы, будетъ тѣсно переплетенъ съ анализомъ историческимъ.

II.

Что такое религія, ея возникновеніе и т. д.

Что мы понимаемъ или должны понимать подъ словомъ: религія? На этотъ вопросъ отвѣтить просто и прямо не легко. Не легко потому, что дѣло

религіи, или дѣло того чувства, которое разумѣется подъ этимъ именемъ, тѣсно связано съ другими сторонами и областями личной и общественной жизни человѣка, испытываетъ отъ этихъ другихъ сторонъ жизни извѣстное вліяніе и даже подчиняется имъ и потому невольно, неизбѣжно окрашивается этими другими сторонами жизни человѣка и соотвѣтственно этому получаетъ и свое различное, часто не только не совпадающее, но и прямо другъ другу противорѣчащее опредѣленіе... Католикъ и протестантъ будутъ опредѣлять свое пониманіе религіи, ея сущности, совершенно различнымъ образомъ... Люди науки, а тѣмъ болѣе люди искусства даютъ свое опредѣленіе религіи, которое одинаково будетъ далеко отстоять отъ первыхъ двухъ. А какой-нибудь король пушекъ Штуммъ или король желѣза Морганъ и рядомъ съ ними рабочій-пролетарій—развѣ они одинаково понимаютъ то, что они называютъ однимъ и тѣмъ же словомъ: религія?.. Но такъ или иначе, то или иное опредѣленіе религіи должно быть дано. Намъ кажется болѣе вѣрнымъ слѣдующее опредѣленіе: религія или, точнѣе говоря, религіозное чувство есть выраженіе или проявленіе чувства зависимости человѣка отъ чего-то другого, посторонняго, стоящаго внѣ его, надъ нимъ, господствующаго надъ человѣкомъ, управляющаго его судьбами... И это-то чувство и сознаніе зависимости имѣетъ двѣ стороны своего проявленія. Съ одной стороны, это—чувство внутреннее, имѣющее отношеніе лишь къ личности и внутренней жизни каждаго отдѣльнаго человѣка,—и какія бы формы ни принимало это религіозное чувство, оно должно, казалось бы, оставаться личнымъ дѣломъ каждаго человѣка, не стремящимся затрагивать и вмѣшиваться въ его отношенія къ другимъ людямъ. Между тѣмъ, на дѣлѣ, въ исторіи человѣческаго развитія религіозное чувство и все, къ этому чувству относящееся и называемое именемъ религіи, стремилось къ вмѣшательству въ другія стороны жизни человѣка и, главное, въ его отношенія къ другимъ людямъ; изъ дѣла личнаго оно становилось дѣломъ общественнымъ, выливалось въ форму цѣлой, все разраставшейся организаціи, завладѣвало другими общественными организаціями и установленіями, пріобрѣтало общественный, подавлявшій своей внѣшней, принудительной (т. е. наказывающей) силой авторитетъ (всеобщее и принудительное признаніе). Религіозное чувство, является по своему существу, по своему основному характеру, дѣломъ чисто личнымъ и потому совершенно безобиднымъ. Но, принявши обликъ общественнаго установленія, оно выливается въ форму церкви, которая внѣшней силой принуждала къ подчиненію и послушанію и получила на дѣлѣ неестественное направленіе, нанесла человѣчеству глубокія раны, извратила многія стороны его жизни и на много вѣковъ задержала его успѣшное движеніе впередъ къ общему благосостоянію и къ достойнымъ человѣка условіямъ существованія (достаточно, напр., вспомнить Джордано Бруно, Галилея и др.).

Итакъ, подъ словомъ „религія“ понимать намъ необходимо двѣ совершенно различныя вещи: дѣло личное, душевное (будемъ называть его религіознымъ чувствомъ), съ одной стороны, и дѣло общественное—съ другой. Выросши изъ чувства внутренняго, личнаго и принявши обликъ общественнаго дѣла, общественной организаціи, регулируемой юридическими нормами, опредѣляемой во многомъ уголовной санкціей, религія, по нашему глубокому убѣжденію, должна въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи снова возвратиться къ своему первоначальному источнику и снова стать очищеннымъ отъ грубыхъ примѣсей различныхъ вытекавшихъ изъ невѣжества предразсудковъ личнымъ, частнымъ дѣломъ каждаго отдѣльнаго человѣка, свободнымъ отъ всякихъ юридическихъ опредѣленій и ограниченій, за исключеніемъ развѣ одного, чисто отрицательнаго: „ни въ какомъ отношеніи не вредить своимъ исповѣданіемъ своимъ собратьямъ по общежитію“. И отдѣленіе церкви отъ государства есть одна изъ главныхъ ступеней этого перехода религіи изъ дѣла общественнаго въ дѣло индивидуальное,

дѣло совѣсти человѣка, куда не посмѣетъ вторгнуться ни одинъ человѣкъ, ни одно учрежденіе, ни одна внѣшне опредѣляемая и извнѣ навязываемая норма, ничто постороннее и внѣшнее, что позволяло бы себѣ грубо давить или направлять это внутреннее чувство. Выяснивъ себѣ это, мы должны обратиться къ религіи, какъ общественному дѣлу, ибо только религія, какъ общественная организація, заполняетъ собою всю человѣческую исторію до нашихъ дней.

Что религія должна была превратиться въ общественную организацію— это становится вполнѣ понятнымъ, если вникнуть въ самый характеръ, сущность религіознаго чувства... Основой человѣческой жизни, ея началомъ и концомъ, ея главнымъ содержаніемъ является удовлетвореніе многообразныхъ и все усложняющихся человѣческихъ потребностей, дѣятельность, направленная къ добыванію средствъ къ жизни и поддержанію своего рода и потомства. Первобытный человѣкъ, едва только вышедшій изъ животнаго состоянія, былъ крайне безпомощенъ въ способахъ добыванія средствъ для удовлетворенія своихъ самыхъ насущныхъ потребностей. Онъ былъ рабомъ природы, терпѣлъ и страдалъ отъ ея стихій, изнемогалъ въ борьбѣ съ нею. Онъ чувствовалъ себя вполнѣ зависимымъ отъ этой непонятной, полной страшныхъ тайнъ и безмѣрно могущественной окружавшей его природы и сталъ обоготворять силы этой природы: солнце, вѣтры, громъ, молнію и проч. Это была первая форма, въ которой человѣкъ выразилъ свое чувство зависимости отъ окружавшей и устрашавшей его дѣйствительности. Это было язычество, идолопоклонство или такъ называемый фетишизмъ... Но дальнѣйшее развитіе человѣка и возраставшая трудность борьбы за существованіе толкнули человѣка къ общенію съ себѣ подобными, заставили людей жить вмѣстѣ, сначала — разраставшимися родами, общинами, а затѣмъ и цѣлыми племенами. И только въ этой общинѣ, въ этомъ родѣ, въ этомъ обществѣ себѣ подобныхъ (къ тому же—на первой ступени общественнаго развитія—связанныхъ другъ съ другомъ кровнымъ родствомъ) человѣкъ впервые могъ вздохнуть свободнѣе въ своей дотолѣ непосильной одиночной борьбѣ за свое существованіе съ природою и другими живыми существами (звѣрями и людьми). Найдя опору въ своемъ родѣ, своемъ племени, человѣкъ свое чувство зависимости перенесъ съ мертвыхъ силъ природы на свою общину, свое племя, отъ котораго онъ, дѣйствительно, сталъ зависѣть такъ же, если, не болѣе, сильно, какъ раньше отъ самой природы. Первобытныя общества (роды, племена, союзы племенъ), обезпечивая каждому отдѣльному члену его пропитаніе, взамѣнъ этого всецѣло поглощали его личность.

Съ тѣхъ поръ религія стала дѣломъ не отдѣльнаго человѣка, а всего общества. Это послѣднее взяло на себя обязанность заботиться объ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей всѣхъ своихъ членовъ: о принесеніи жертвъ, исполненіи религіозныхъ обрядовъ и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ первобытныя общества стали выдѣлять изъ своей среды и особыхъ лицъ, которыя всецѣло должны были вѣдать дѣло религіи, отправленіе всѣхъ религіозныхъ обязанностей, наблюденіе за исполненіемъ религіозныхъ предписаній со стороны членовъ общества. Эти лица стали называться жрецами, служителями религіи, посредниками между богами и людьми. Почти вездѣ и всюду эту роль жрецовъ выполняли начальники родовъ, племенъ или ихъ родственники. И это вполнѣ понятно: вѣдь въ начальникѣ или главѣ рода, племени, а также въ его семействѣ воплощалась вся власть, все подавляющее могущество общества, все безраздѣльное господство надъ жизнью каждаго отдѣльнаго члена! Естественно было человѣку поэтому всецѣло перенести свое чувство зависимости, религіозное чувство, на этихъ представителей первобытныхъ обществъ, на этихъ патріарховъ и старѣйшинъ родовъ и племенъ. И мы, дѣйствительно, знаемъ, даже изъ Ветхаго Завѣта, что праотцы и патріархи: Авраамъ,

Іаковъ и др. были въ то же время и священнослужителями, посредниками между Богомъ и своимъ родомъ. Древне-египетскіе фараоны также считались вмѣстѣ съ тѣмъ и богами. Даже римляне находили возможнымъ и естественнымъ возводить своихъ императоровъ въ божеское достоинство. Англійскій король, напр., и до сихъ поръ считается, по традиціи, главою церкви и духовнымъ пастыремъ своего народа. Отголоски того, что правители или начальники первобытныхъ обществъ были также и верховными жрецами, представителями религіи, находятся, наконецъ, и въ христіанскомъ ученіи (точнѣе говоря, въ ученіи отцовъ церкви) о томъ, что всякая свѣтская верховная власть—отъ Бога, божественна, и что потому каждый коронованный правитель есть, такъ сказать, несмѣняемый помазанникъ и ставленникъ Божій.

Но древне-языческій міръ скоро сталъ разлагаться, античныя общества стали распадаться. Безконечныя войны, создавшія рабство, на которомъ исключительно стали основываться общества и государства, создали, съ одной стороны, безумную роскошь, съ другой стороны — безмѣрную нищету народныхъ массъ. На почвѣ этого рабства стала приходить въ упадокъ вся хозяйственная жизнь страны, начали вырождаться науки и искусства, а чудовищная роскошь развратила общественные нравы и вызвала пресыщеніе и вырожденіе... И вотъ въ эпоху этого полнаго и повсемѣстнаго упадка, полнаго распада и разложенія древняго греко-римскаго міра выросла новая религія, ученіе Христа или, точнѣе говоря, христіанство. Новая христіанская религія воспиталась на почвѣ этой поголовной нищеты, нравственнаго упадка, противопоставила себя этому всеобщему распаду, явилась всѣмъ своимъ ученіемъ и дальнѣйшею своею дѣятельностью полнымъ и безпощаднымъ протестомъ противъ стараго разлагавшагося міра.

Ученіе Христа въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ Евангеліи, безъ всякихъ посторонннихъ примѣсей ученія отцовъ церкви, представляло собою оправданіе или, лучше сказать, возвеличеніе нищеты. Намъ стоитъ только вспомнить нагорную проповѣдь, притчи Христа и проч. Безумной роскоши и богатству, выросшимъ на почвѣ рабства, безпощадному истребленію однихъ людей другими—надо было противопоставить ученіе о равенствѣ и братствѣ людей, о всепрощающей любви, о блаженномъ и праведномъ состояніи неимущихъ и т. д. и т. д.— Это и было ученіемъ Христа—и оно стало такъ сильно распространяться среди обнищавшихъ массъ именно потому, что вполнѣ соотвѣтствовало ихъ несознаннымъ еще стремленіямъ, ихъ неудовлетворенному чувству. Это ученіе впервые открывало имъ глаза и какъ бы давало желанный исходъ вѣками накоплявшемуся въ ихъ душахъ протесту. Ученіе Христа, распространяясь все далѣе и шире, вылилось первоначально въ форму такъ называемыхъ христіанскихъ общинъ. Эти христіанскія общины исполняли дѣйствительно и духъ и букву ученія Христа: каждый, кто становился членомъ этой общины, долженъ былъ отдать все свое достояніе общинѣ, братству; все личное и собственное должно быть уничтожено—и жизнь новообращеннаго должна была очиститься отъ всего личнаго, обратиться въ жизнь для другихъ, для общины, именно въ то, что называлось „жизнью во Христѣ“. Такимъ образомъ, въ христіанской общинѣ все было общее, по крайней мѣрѣ, общимъ было все то, что касалось потребленія продуктовъ и ихъ распредѣленія. Здѣсь впервые, дѣйствительно, было осуществлено равенство всѣхъ.

Всѣ одинаково служили одному общему, одинаково всѣхъ одушевлявшему дѣлу, всѣ одинаково несли равныя права и обязанности. Но чѣмъ больше разрасталась община, тѣмъ все болѣе становилось необходимымъ отдать управленіе и заботу объ общинѣ въ руки отдѣльныхъ, самой общиной избранныхъ лицъ; эти лица — выборные старшины — ничѣмъ вначалѣ не выдѣлялись по своимъ та-

лантамъ или особенно ревностному отношенію къ исповѣдуемой ими религіи. Однако, благодаря тому, что въ ихъ рукахъ сосредоточивалось все хозяйство и управленіе общины, они постепенно пріобрѣтали, такимъ образомъ, власть надъ всей общиной и становились по отношенію къ отдѣльнымъ членамъ въ особенное, привилегированное положеніе. Это послѣднее выразилось въ томъ, что выбранные старшины стали проявлять притязанія быть исключительными посредниками между Богомъ и членами своей общины, а также исключительными толкователями исповѣдуемаго ими вѣроученія. Словомъ, эти выбранные старшины постепенно обратились въ то, что намъ извѣстно подъ именемъ діаконовъ, священниковъ и, наконецъ, епископовъ. Разъ возникшее неравенство эти выбранные старшины, теперь ставшіе священнослужителями, постарались усилить, закрѣпить и оправдать ученіемъ того же Христа. Такимъ образомъ, было нарушено первоначальное религіозное и экономическое равенство членовъ христіанской общины. И это неравенство, выдѣливъ изъ среды общины лицъ, взявшихъ на себя исключительное право истолкованія и посредничества въ дѣлѣ религіи, создало въ дальнѣйшемъ всю ту сложную общественную организацію, которая стала извѣстна подъ именемъ церкви. Отнынѣ были нарушены тѣ естественныя и простыя общинныя отношенія, которыя просто, безхитростно и довольно послѣдовательно осуществляли ученіе Христа о братствѣ людей.

Отъ новообращенныхъ и вновь поступающихъ членовъ общины уже перестали требовать, чтобы они отдавали все свое достояніе... достаточно было подѣлиться своимъ излишкомъ. Вмѣсто требованія отказа отъ своего богатства и своей роскоши, стали требовать лишь милосердія, т. е. подачки нищимъ членамъ общины, подачки, которая ужъ, разумѣется, никакъ не обязывала ни къ братству, ни къ равенству, ни къ „жизни во Христѣ“. Съ одной стороны, изъ христіанской общины, какъ мы уже говорили, выдѣлились священнослужители, которые овладѣли всѣми богатствами, всѣмъ управленіемъ общины и стали надъ нею безраздѣльно господствовать и властвовать. Эти священнослужители образовали такъ называемое бѣлое, свѣтское, духовенство. На ряду съ ними, изъ общины выдѣлялись нѣкоторые члены, стремившіеся соблюдать большую строгость въ своей жизни—быть безбрачными, блюсти себя въ постѣ и молитвѣ и проч. Изъ этихъ лицъ образовалось такъ называемое черное духовенство, монахи. Они удержали общность имущества и общность потребленія, но замкнулись въ своихъ монастыряхъ отъ остальныхъ своихъ собратьевъ по Христу. Въ рукахъ этихъ монастырей постепенно стали скопляться великія земельныя и прочія богатства. Не менѣе успѣвало въ накопленіи богатства и бѣлое духовенство. Отнынѣ дѣломъ какъ бѣлаго, такъ особенно чернаго духовенства, т. е., собственно говоря, монастырей, стала забота о милосердіи, о пропитаніи нищихъ и все болѣе разорявшихся массъ населенія. Но дѣло милосердія выполнялось уже сверху, становилось дѣломъ опеки. При такомъ порядкѣ вещей нетрудно было прочно и крѣпко основать свое могущество надъ массами населенія, взять подъ свою опеку какъ матеріальную, такъ и духовную жизнь этихъ обнищавшихъ массъ. И дѣйствительно, постепенно духовенство стало вмѣшиваться во всѣ области жизни христіанъ. Оно взяло въ свои руки дѣло брака, наслѣдованія и многое другое—и этимъ особенно укрѣпило и усилило свою власть надъ душой и тѣломъ вѣрующихъ.. Если принять во вниманіе страшную массовую нищету того времени, времени упадка Римской имперіи, и то обстоятельство, что духовенство было единственной организаціей, которая взяла на себя заботу объ этихъ нищихъ,—то станетъ вполнѣ понятнымъ то необычайно быстрое распространеніе христіанства, которое, несмотря на всѣ гоненія, стало скоро захлестывать всѣ боровшіяся съ нимъ силы императоровъ и, наконецъ, привело этихъ послѣднихъ къ полному безсилію и къ необходимости признанія христіанства господ-

ствующей религіей, принять которую они принуждены были, наконецъ, и сами. Съ принятіемъ христіанства Константиномъ Великимъ христіанская религія окончательно вытѣсняетъ языческую и становится общепризнанной, господствующей религіей греческой и римской имперіи. Съ этихъ поръ высшіе священнослужители христіанства пріобрѣтаютъ первенствующее значеніе. Въ нихъ рукахъ замыкается свѣтильникъ, священный огонь религіи, а соотвѣтственно этому въ ихъ рукахъ сосредоточивается и высшая, какъ духовная, такъ и матеріальная власть надъ христіанами. Римскій и константинопольскій епископы начинаютъ считать себя намѣстниками Христа на землѣ. Между ними завязывается упорная борьба за это исключительное право считать себя представителями Христа на землѣ.

Римскій епископъ начинаетъ считать себя первосвященникомъ и называться папой. На первыхъ порахъ римскому первосвященнику приходилось терпѣть въ своихъ притязаніяхъ пораженія благодаря тому, что могущественные византійскіе императоры покровительствовали константинопольскому патріарху. Дѣло началось съ константинопольскаго епископа Акакія, которому римскій епископъ Феликсъ сдѣлалъ выговоръ за его дѣйствія и котораго даже отлучилъ отъ церкви. Это отлученіе было прикрѣплено однимъ монахомъ къ одеждѣ Акакія, когда этотъ послѣдній входилъ въ церковь, ибо никакимъ другимъ дѣйствительнымъ средствомъ для отлученія константинопольскаго епископа римскій епископъ не обладалъ. Акакій этимъ не смутился, продолжалъ богослуженіе, а затѣмъ самъ, въ свою очередь, отлучилъ Феликса отъ церкви и вычеркнулъ его изъ списка епископовъ. Такимъ образомъ, оба епископа взаимно отлучили другъ друга отъ церкви. Папа Геласій писалъ относительно этого дѣла императору [1]): „Міромъ управляютъ двѣ власти, императорская и первосвященническая. Ты — властитель человѣческаго рода, но ты склоняешь свою выю передъ тѣми, кто правитъ божественными вещами. Святительство есть высшая власть изъ двухъ властей; оно должно отдать послѣдній отчетъ за дѣянія царей“. „Это не языкъ слабаго духовнаго лица (замѣчаетъ по этому поводу Дреперъ); это языкъ первосвященника, который сознаетъ свое могущество“. Къ этому времени Римская имперія пала: ее завоевали германскія племена, готы. Съ нашествія готовъ, германскихъ варваровъ, для римской церкви наступаетъ новая пора расцвѣта усиленія ея и могущества. Какъ низко ни пала хозяйственная и духовная жизнь римлянъ этого времени, они все же были несравненно культурнѣе германскихъ варваровъ. И невѣжество германскаго племени привело его къ постепенному подчиненію римскимъ священникамъ и представляемой послѣдними высшей вѣрѣ и культурѣ. Христіанство быстро захватило германскія, а затѣмъ и другія переселившіяся къ этому времени въ Европу племена, и въ лицѣ своихъ носителей, римскихъ священниковъ и монаховъ, пріобрѣло необыкновенное вліяніе надъ ними. Это вліяніе чрезмѣрно увеличило не только духовную власть надъ варварами, но и матеріальныя богатства и земельныя угодья духовенства. Оно же укрѣпило и усилило власть и господство римскаго первосвященника надъ всѣми христіанами. И уже къ этому времени замѣчается не только „обмірщеніе“ церкви, но и такое разложеніе и паденіе нравовъ въ средѣ ея служителей, такое загрязненіе первоначальной чистоты христовой вѣры что иной мало знающій и наивно вѣрующій читатель можетъ прямо не повѣрить тѣмъ преступленіямъ, убійствамъ и злодѣяніямъ, которыя позволяли себѣ римскіе первосвященники-папы для достиженія господства и власти не только надъ христіанами, но и надъ свѣтскими государями и цѣлыми государствами. Объ этомъ разложеніи нравовъ церкви и ея представителей, не исключая и папы, мы будемъ говорить подробно далѣе. Сейчасъ же прослѣдимъ, къ какимъ

[1]) Дреперъ. „Исторія умственнаго развитія Европы“. Т. I, стр. 288.

средствамъ позволяли себѣ прибѣгать папы для достиженія первенства надъ всею церковью въ борьбѣ съ константинопольскимъ патріархомъ.

„Завоеваніе Италіи остъ-готомъ Теодорикомъ въ 493 г. по Рожд. Хр., дало римскимъ епископамъ аріанскаго государя и представило міру аномалію—еретика, который назначаетъ намѣстника Христа на землѣ. Избраніе было предметомъ спора между двумя соперниками, двѣ партіи которыхъ, по восточнымъ примѣрамъ, наполнили городъ убійствами. Готскій король повелѣлъ, чтобы изъ нихъ признанъ былъ тотъ, который имѣлъ за себя больше голосовъ и который раньше получилъ посвященіе. Такимъ образомъ, папой сдѣлался Симмахъ. Гормиздасъ, наслѣдовавшій Симмаху, снова попробовалъ побудить восточнаго императора Анастасія къ признанію низложенія Акакія и его партіи и вынудить согласіе на это со стороны всего духовенства, но напрасно. Наконецъ, при восшествіи на императорскій престолъ Юстиніана, Римъ достигъ своей цѣли; всѣ его условія были приняты; расколъ окончился униженіемъ епископа константинопольскаго,—какъ говорили, вслѣдствіе ортодоксіи императора. Но очень скоро стали обнаруживаться несомнѣнныя указанія, что за эту религіозную побѣду дано было равно-значительное мірское вознагражденіе. Въ Римѣ открытъ былъ заговоръ противъ готскаго короля Теодорика, и ходили слухи, что оружіе Константинополя освободитъ Италію отъ еретическаго ига аріанъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Теодорикъ открылъ измѣну. Это было дурное вознагражденіе за его безпристрастную справедливость. Онъ вдругъ обезоружилъ римское населеніе. Онъ былъ прежде кроткимъ властителемъ, но теперь онъ показалъ страшное мщеніе... Папа Іоаннъ былъ брошенъ въ темницу и тамъ жалкимъ образомъ умеръ...

„Прошло немного лѣтъ послѣ смерти Теодорика—одинъ правовѣрный пустынникъ видѣлъ, какъ демоны несли его душу въ кратеръ вулкана Липари, который считался входомъ въ адъ,—и нападеніе на Италію Юстиніана показало, какъ основательны были подозрѣнія Теодорика. Впрочемъ, Римъ далеко не получилъ тѣхъ выгодъ, какихъ онъ ожидалъ; крайняя испорченность константинопольской жизни была перенесена въ Италію. Папа Сильверій, который былъ сыномъ папы Гормиздаса, былъ низложенъ Ѳеодорой, женой императора. Эта женщина, нѣкогда простая развратница, продала папство Вигилію за двѣсти фунтовъ золота. Ея соучастница Антонина, легкомысленная жена Велизарія, велѣла снять съ Сильверія его одежды и надѣть на него монашеское платье. Потомъ онъ изгнанъ былъ на старое мѣсто ссылокъ, на островъ Пандатарію, и тамъ умеръ. Папа Вигилій принялъ Евтихіеву ересь и, какъ говорятъ, умертвилъ одного изъ своихъ секретарей и велѣлъ умертвить сына своей сестры. На его примѣрѣ можно было видѣть, что значило для епископа быть въ рукахъ императора, что значило пить изъ чаши, изъ которой приходилось такъ часто пить константинопольскимъ патріархамъ,—и можно было понять, во сколько цѣнилъ его властитель, какъ намѣстника Христа на землѣ. Принужденный отправиться въ восточную метрополію, чтобы принять теологическіе взгляды Юстиніана, онъ три раза принималъ ихъ и три раза отрекался отъ нихъ; онъ отлучилъ отъ церкви патріарха константинопольскаго и самъ былъ отлученъ имъ. Во время его личныхъ споровъ съ императорскими чиновниками, послѣдніе вытащили его изъ церкви за ноги самымъ буйнымъ образомъ; они посадили его въ тюрьму и держали тамъ на хлѣбѣ и водѣ. Онъ умеръ изгнанникомъ въ Сициліи. Непосредственнымъ вліяніемъ завоеванія Италіи было то, что папы стали въ то же зависимое и унизительное положеніе, къ какомъ стоялъ патріархъ константинопольскій“ [1]).

Но это зависимое и униженное положеніе продолжалось недолго. Папы изъ этой борьбы вышли побѣдителями и, опираясь на новыя варварскія пле-

[1]) Дреперъ. „Исторія умств. разв. Европы“. Т. I. стр. 289.

мена, особенно на франковъ и норманновъ, пріобрѣли господствующее и исключительное вліяніе. За ними не только было признано первенство, но они, особенно благодаря связи съ франкскими королями, которымъ они оказали существенную помощь, пріобрѣли господство и надъ самими свѣтскими государями Европы. Изъ ихъ рукъ эти государи стали получать свою корону, и очень долгое время имъ приходилось зависѣть отъ доброй или, вѣрнѣе сказать, злой и капризной воли папъ. Въ 590-мъ году появляется папа Григорій I Великій, который необыкновенно усиливаетъ власть и могущество папъ. Прежде всего, онъ сумѣлъ дисциплинировать само духовенство, гдѣ уже давно начала царствовать великая распущенность и развращенность. Затѣмъ онъ распространилъ христіанство и вліяніе римской церкви въ Испаніи, Англіи и другихъ странахъ. Онъ сумѣлъ прочно утвердить свое первенство передъ константинопольскимъ патріархомъ. Онъ же страшно вульгаризировалъ христіанское вѣроученіе, введя многіе предразсудки, укрѣпляя и поддерживая склонность народныхъ массъ къ невѣроятнымъ чудесамъ; при немъ стало обыкновеннымъ постоянное вмѣшательство злыхъ духовъ въ земныя дѣла. При немъ развились невѣроятныя по своей необузданной фантазіи ученія объ адѣ и объ его мученіяхъ. Словомъ, все темное, невѣжественное, что гнѣздилось въ умахъ и душахъ народныхъ массъ, онъ оправдалъ, закрѣпилъ и сдѣлалъ необходимой принадлежностью католической религіи. Съ его времени католическая религія принимаетъ тотъ обликъ, который сохранился во многомъ и донынѣ: непомѣрная обрядность, безчисленныя святыя мощи и чудеса, грубыя суевѣрія и фанатическая нетерпимость въ пониманіи религіозныхъ событій, таинствъ и пр. Поскольку всѣ эти суевѣрія и предразсудки находили себѣ живой откликъ въ умственномъ невѣжествѣ и духовной безпомощности массъ, постольку они, будучи закрѣплены и оправданы церковью, доставляли этой послѣдней еще большее вліяніе и власть надъ матеріальной и духовной жизнью народныхъ массъ. Самъ Григорій Великій въ своемъ суевѣріи и невѣжествѣ дошелъ въ своей ненависти къ человѣческому знанію до геркулесовыхъ столповъ. Онъ изгналъ изъ Рима всѣхъ занимавшихся естественными и математическими науками и сжегъ замѣчательную Палатинскую библіотеку, основанную первымъ римскимъ императоромъ Августомъ Цезаремъ. Онъ особенно ненавидѣлъ греко-римскую культуру, ея литературу, искусство; онъ сжигалъ ея рѣдкіе манускрипты, разрушалъ статуи, древніе храмы и проч.

Дѣло папы Григорія Великаго, т. е. дѣло укрѣпленія власти и вліянія римской церкви, приняло необыкновенные размѣры съ того времени, какъ папы рѣшили опереться на франкское племя и франкскихъ королей. Къ этому времени арабы (сарацины), завоевавъ весь сѣверный берегъ Африки, передвинулись въ южную часть Испаніи. Карѳагенъ, Александрія, Іерусалимъ, Антіохія, эти великіе центры христіанства, были уже въ рукахъ арабовъ. Оставались Константинополь и Римъ. Скоро и Константинополь и греческій императоръ были отрѣзаны отъ прямого вліянія на Римъ, и даже сношенія съ послѣднимъ приходилось поддерживать при помощи магометанскихъ кораблей. Римъ съ его первосвященникомъ и церковью остался одинокимъ. Это дало Риму и папѣ независимость, но это же самое положеніе усилило опасность для церкви со стороны арабовъ, несшихъ съ собою новое вѣроученіе—магометанство, иную культуру и нравы... Надо было, укрѣпляя свою независимость и могущество, въ то же время бороться съ опасностью магометанства и побѣдоносныхъ арабскихъ нашествій. Въ эту трудную минуту папы заключили союзъ съ франками. Правда, этотъ союзъ стоилъ вѣроломства, которое приходилось оправдать и освятить. Но мы уже знаемъ, что папы не только не останавливались передъ такими средствами, но и стали чаще и чаще дѣлать изъ него и ему подобныхъ преступленій главное орудіе въ достиженіи своихъ цѣлей.

Карлъ Мартелъ, герцогъ франковъ, въ 732 г. одержалъ побѣду надъ арабами, стремившимися изъ южной части Испаніи проникнуть далѣе на сѣверъ. Это до нѣкоторой степени рѣшило судьбу римско-католической Европы, задержавъ побѣдоносное нашествіе арабовъ-магометанъ. Сынъ Карла Мартела, Пипинъ Короткій, возымѣлъ намѣреніе овладѣть короною франковъ. Въ этомъ вѣроломномъ дѣлѣ ему пришлось искать себѣ союзника, и онъ нашелъ его въ лицѣ папы Захарія. Низложеніе франкскаго короля Хильдерика было произведено, и папа Захарій призналъ Пипина дѣйствительнымъ королемъ и даже для большей вѣрности и торжественности совершилъ надъ нимъ помазаніе. Низложенный же король Хильдерикъ былъ посаженъ въ монастырь въ Сентъ-Омерѣ. Слѣдующій за Захаріей папа Стефанъ II долженъ былъ въ борьбѣ съ лонгобардами, завоевавшими Сѣверную Италію, прибѣгнуть къ помощи того же Пипина. Чтобы получить эту помощь, онъ нашелъ возможнымъ подкрѣпить свою просьбу письмомъ, которое якобы было написано франкамъ св. Петромъ. Затѣмъ папа посѣтилъ Францію, снова возложилъ на Пипина корону, помазавъ его, а также и жену и дѣтей его—и этимъ самымъ какъ бы ввелъ въ обычай коронованіе королей и свѣтскихъ государей папами, иными словами, передачу свѣтской власти государямъ изъ рукъ папъ. А это означало ни болѣе ни менѣе, какъ установленіе первенства папы надъ свѣтскими государями и цѣлыми государствами, господство не только надъ духовной, но и надъ свѣтской властью. Въ благодарность за это Пипинъ завоевалъ Ломбардію и ключи отъ ея городовъ повергъ передъ стопами папы. Этимъ самымъ папа впервые дѣлался и свѣтскимъ государемъ. Отнынѣ папа, сдѣлавшись и духовнымъ и свѣтскимъ государемъ, неудержимо сталъ стремиться властвовать надъ государствами и сдѣлаться единымъ и духовнымъ и свѣтскимъ повелителемъ всей Европы. Сынъ Пипина Короткаго, Карлъ Великій, помогъ осуществиться если не всѣмъ намѣреніямъ папы, то все же чрезмѣрному возрастанію могущества и вліянія папы на всю Западную Европу. Карлъ Великій велъ цѣлый рядъ побѣдоносныхъ войнъ съ лонгобардами, германцами, саксами и другими варварскими народами Европы. Завоевавъ варваровъ и ихъ страны, онъ, слѣдомъ за этимъ, вводилъ всюду христіанство, ибо римскіе священники и вообще римское духовенство всего вѣрнѣе могло обезпечить ему подчиненіе этихъ варваровъ. Такимъ образомъ, Карлъ Великій и церковь оказывали другъ другу великую взаимную услугу. Введя христіанство, Карлъ Великій подчинилъ всю Европу римской церкви; съ другой стороны, римская церковь, ширясь и распространяясь среди варваровъ, сумѣла лучше всего обезпечить Карлу его завоеванія и держать варваровъ въ подчиненіи. Религіозныя войны Карла сдѣлали папу духовнымъ властителемъ надъ всей Западной Европой. Въ свою очередь папа не преминулъ возвеличить Карла въ „императоры Запада“. Въ 800 г. въ церкви св. Петра, во время евхаристіи, папа Левъ III неожиданно для Карла возложилъ на его голову діадему; его голова и тѣло были помазаны священнымъ муромъ и „по примѣру того, какъ бывало при цезаряхъ, самъ первосвященникъ совершилъ передъ нимъ поклоненіе и привѣтствовалъ его“ [1]). Карлъ былъ папой провозглашенъ императоромъ Запада, за что торжественно поклялся охранять привилегіи церкви. Всѣ эти событія: союзъ съ франками, подчиненіе римской церкви всей Западной Европы — утвердивъ великое значеніе папы въ свѣтской и духовной жизни народовъ, создали въ то же время для церкви огромныя, неисчислимыя богатства, земельныя угодья, золото, драгоцѣнности и проч. Достигнувъ такого господства, такого вліянія на всѣ стороны жизни, такого чрезмѣрнаго богатства, духовенство и папство совершенно раз-

[1]) Дреперъ. „Истор. умств. разв. Европы“. Т. I, стр. 305.

вратились этимъ своимъ вліяніемъ и своимъ богатствомъ. Но прежде, чѣмъ перейти къ описанію нравовъ и великаго развращенія, которые къ этому времени воцарились въ средѣ духовенства и папства, намъ необходимо немного остановиться на общей роли и значеніи духовенства, какое оно имѣло для жизни среднихъ вѣковъ.

Несомнѣнно, что такого успѣха и такого быстраго и широкаго распространенія среди варварскихъ народовъ Западной Европы христіанство могло достигнуть только потому, что низшимъ массамъ этихъ народовъ христіанство—или, точнѣе говоря, римская церковь—было необходимо, оказывая имъ существенную поддержку въ ихъ матеріальной и духовной жизни. И дѣйствительно, церковь потому такъ широко и быстро завладѣла народными массами Европы, что до извѣстной поры она выполняла прогрессивную роль, служила существенной поддержкой въ жизни этихъ массъ. Церковь, прежде всего, представляла собою обширную хозяйственную организацію и для германскихъ варваровъ служила образцомъ и разсадникомъ лучшихъ способовъ обработки полей, лучшаго, болѣе культурнаго, веденія хозяйства. Церковь накопляла громадныя земельныя богатства и, такъ какъ земельные продукты еще не приходилось тогда сбывать въ видѣ товаровъ на рынокъ или вывозить въ другія страны, то большая часть этихъ продуктовъ оставалась въ сыромъ видѣ у духовенства же. Такъ составлялись тѣ зерно-и хлѣбо-хранилища, которыя въ острые періоды народнаго голода (посѣщавшаго тогда Европу очень часто) служили источникомъ пропитанія для народа. Поддержка народа во время голода была существеннѣйшимъ дѣломъ церкви, которая привлекала къ ней симпатіи народа. Съ другой стороны, церковь и ея духовенство стояли впереди своего вѣка въ области торговли, сношеній съ другими странами и народами. До извѣстной поры лишь церковь была единственной представительницей знанія, зачатковъ науки, высшей культуры. Все это и многое другое (какъ напримѣръ, роль утѣшительницы и прибѣжища въ дни мрачныхъ кровавыхъ годинъ) обезпечило церкви ея могущество, вліяніе и господство надъ народными массами Европы. Приведемъ прекрасную (хотя и длинную) характеристику значенія церкви, даваемую Каутскимъ въ его книгѣ: „Томасъ Моръ и его утопія“ [1]).

„Церковь научила германцевъ лучшимъ методамъ земледѣлія: до позднѣйшихъ эпохъ среднихъ вѣковъ монастыри представляли собою образцовыя земледѣльческія хозяйства. Духовныя лица, равнымъ образомъ, познакомили германцевъ съ искусствами и усовершенствованными ремеслами; подъ покровительствомъ церкви благоденствовалъ не только одинъ крестьянинъ, она оказывала защиту также и большинству городовъ, пока тѣ не почувствовали сами въ себѣ достаточно силы, чтобы защищаться. Особенно церковь благопріятствовала торговлѣ. Великіе рынки въ большинствѣ случаевъ устраивались въ самихъ церквахъ или вблизи нихъ. Церковь всячески заботилась о томъ, чтобы привлекать на эти рынки покупателей. Она же представляла собою въ эпоху средневѣковья единственную сильную организацію, которая заботилась о содержаніи великихъ торговыхъ путей и облегчала движеніе по нимъ, благодаря гостепріимству монастырей. Многіе изъ нихъ, напр., убѣжища на Альпійскихъ горныхъ проходахъ, служили почти исключительно торговымъ цѣлямъ. Торговыя сношенія казались церкви столь важными, что она не остановилась для оживленія и поддержанія ихъ войти въ соглашеніе съ другимъ факторомъ, подобно ей являвшимся въ германскихъ государствахъ представителемъ культуры павшаго Рима. Этимъ факторомъ являлось еврейство. Папы долгое время защищали и поддерживали его вообще въ тѣ времена, когда нѣмцы представляли собою еще чистыхъ, не-

[1]) Стр. 43 и слѣд.

испорченныхъ германцевъ; они съ радостью принимали у себя евреевъ и всячески старались привлечь ихъ къ себѣ, видя въ нихъ представителей высшей культуры. Лишь въ то время, когда германскіе купцы-христіане точно такъ же научились устраивать свои дѣлишки, какъ и сами евреи, они стали ихъ преслѣдовать.

„Наконецъ, всѣмъ извѣстно, что вообще всякое знаніе въ тѣ времена находило убѣжище въ церкви—она доставляла архитекторовъ, инженеровъ, врачей, историковъ, дипломатовъ и т. д. Вся матеріальная и умственная жизнь имѣла въ то время своимъ источникомъ церковь; неудивительно поэтому, что она уже заполняла человѣка совершенно, что она не только опредѣляла его мысли и чувства, но и контролировала и регламентировала рѣшительно всѣ его поступки. Не только рожденіе, бракъ, смерть, давали ей поводъ вмѣшиваться въ жизнь, даже рабочіе и праздничные дни контролировались и распредѣлялись ею.

„Однако, экономическое развитіе заставляло прибѣгать къ услугамъ церкви не только отдѣльное лицо и семейство, но также и цѣлое государство.

„Мы уже указывали на то, что переходъ германцевъ къ высшей формѣ производства, къ болѣе раціональному земледѣлію и къ городскимъ ремесламъ сдѣлалъ необходимымъ также соотвѣтствующее измѣненіе и государственнаго устройства. Однако, германцы такъ быстро перешли къ этому новому способу производства, особенно въ романскихъ странахъ, Италіи, Испаніи и Галліи, гдѣ они нашли эти методы пустившими прочные корни у туземнаго населенія,—что они, конечно, не были въ состояніи создать новые органы государственности изъ своихъ примитивныхъ правовыхъ формъ. Церковь, представлявшая политическую организацію уже во время постепеннаго паденія Римской имперіи, церковь, тогда уже объединявшая государство, почти исключительно завладѣла теперь государственными функціями. Она создала монарха изъ прежняго вождя германцевъ, бывшаго только демократическимъ представителемъ народа и полководцемъ; однако, по мѣрѣ того, какъ расло могущество монарха надъ народомъ, расла и власть церкви надъ монархомъ. Онъ сталъ ея куклой, а сама церковь изъ учительницы стала повелительницей.

„Чѣмъ болѣе германцы совершенствовались въ производствѣ товаровъ, которое ко времени паденія Римской имперіи стояло у нихъ необычайно низко, тѣмъ болѣе государство и народъ ощущали потребность въ церкви. Она была полезна тому и другому; однако, мы не хотимъ этимъ сказать, что она пользовалась своимъ положеніемъ исключительно въ интересахъ тѣхъ элементовъ, которые находились въ зависимости отъ нея, и была совершенно чужда эгоизму. Напротивъ того, она заставляла исправно оплачивать свои попеченія: единственная общая подать, которую мы повсемѣстно встрѣчаемъ въ эпоху среднихъ вѣковъ, была „десятина“ въ пользу церкви. Однако, въ эпоху среднихъ вѣковъ главнѣйшимъ источникомъ могущества и доходовъ была, какъ мы уже видѣли, земельная собственность. Церковь обнаруживала такую же жадность въ своемъ стремленіи захватить людей и земли, какую обнаруживало и дворянство, и она также, подобно дворянству, старалась пріобрѣтать землю и подчинять себѣ ея обитателей. Земельныя угодья, которыми церковь владѣла во времена римскаго владычества, она большею частью сохраняла и при германцахъ, которые, вторгнувшись въ страну не лишили, однако, церковь ея владѣній. Церковь давала населенію такую же, и даже, быть можетъ, лучшую, защиту, какъ и дворянство, и потому много крестьянъ подчинилось ей добровольно. Церковь управляла, наконецъ, и самимъ государствомъ, такъ какъ совѣтниками королей состояли духовныя лица. Неудивительно потому, что короли часто поддавались этимъ совѣтникамъ и уступали церкви коронное имущество. Въ покорен-

ныхъ странахъ значительное обезпеченіе монастырей и епископій землей стало прямо-таки необходимымъ условіемъ.

„Истинные размѣры такой собственности, которые къ тому же все время подвергались измѣненію, очень трудно теперь опредѣлить: вѣдь тогда не существовало ничего похожаго на статистическія записи. Въ общемъ, можно признать, что въ средніе вѣка одна треть земли находилась въ рукахъ церкви.

„Земельное богатство церкви являлось результатомъ ея экономическаго и политическаго могущества. Съ другой стороны, это богатство также способствовало расширенію ея могущества.

„Мы раньше уже указывали на то, какую силу представляло въ средніе вѣка пользованіе землею. Все, что мы объ этомъ говорили, не только въ равной, но скорѣе еще въ большей мѣрѣ, относится и къ церкви. Ея земли были лучше всѣхъ другихъ обработаны, на нихъ больше всего жило поселянъ, и доходъ и могущество, получаемые церковью отъ земли, значительно превосходили то, что могли извлечь изъ такого же количества земли дворянство и король. Однако, доходы выражались преимущественно въ сырьѣ, а какъ его утилизировать? Каковы бы ни были аппетиты монаховъ и прочаго клира, всего, что имъ давали, они все-таки не въ состояніи были использовать. Правда, аббатамъ и епископамъ также приходилось исполнять феодальныя повинности, какъ и свѣтскимъ князьямъ; они должны были, подобно послѣднимъ, содержать вооруженную свиту и нерѣдко являться на ленную службу; однако, церковь лишь изрѣдка проявляла такую воинственность, чтобы ея военная сила могла поглотить большую часть доходовъ. Средства, которыми она дѣйствовала, заключались въ нравственныхъ преимуществахъ, въ той экономической и политической необходимости ея, которая всѣмъ была тогда ясна. Церкви приходилось, поэтому, тратить тогда меньше средствъ на военныя надобности, нежели дворянству, а доходы ея, между тѣмъ, были больше. Ей не только принадлежало больше земель, но она, кромѣ того, пользовалась десятиною (10%) и съ тѣхъ земель, которыя ей прямо не принадлежали. Поэтому церковь не была такъ сильно, какъ дворянство, заинтересована въ томъ, чтобы довести систему поборовъ до возможной эксплоатаціи населенія. Она, напротивъ того, въ общемъ относилась къ крѣпостнымъ мягче; подъ пастырскимъ кривымъ посохомъ жилось обыкновенно недурно, во всякомъ случаѣ, лучше, чѣмъ подъ мечемъ князя, жаднаго до войны и охоты. Несмотря, однако, на эту сравнительную умѣренность въ поборахъ, церковныя учрежденія все-таки накапливали избытокъ съѣстныхъ припасовъ, и съ послѣдними въ то время не оставалось ничего другого дѣлать, какъ обратить ихъ на призрѣніе бѣдныхъ.

„Церкви въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, пришлось только придерживаться традицій, унаслѣдованныхъ со временъ Римской имперіи. Когда эта послѣдняя постепенно начала клониться къ упадку, въ ней соотвѣтственно этому возросталъ пауперизмъ (обѣднѣніе), и призрѣніе бѣдныхъ стало одной изъ существеннѣйшихъ обязанностей и заботъ государства. Однако, старый, языческій строй государства оказался неприспособленнымъ къ этой цѣли; забота о бѣдныхъ досталась новой организаціи, явившейся слѣдствіемъ измѣненныхъ условій общежитія—именно, церкви. Попеченіе о бѣдныхъ, явившись результатомъ экономическихъ причинъ, сдѣлалось одной изъ важнѣйшихъ функцій церкви, и, главнымъ образомъ, этому обстоятельству церковь обязана быстрымъ ростомъ своего могущества и богатства. Благотворительныя учрежденія, основывавшіяся частными лицами, общинами или государствомъ, передавались церкви въ управленіе или просто дарились ей. По мѣрѣ того, какъ росло число неимущихъ, росла и зависимость ихъ отъ церкви, а такъ какъ понемногу въ категорію неимущихъ начинала переходить все большая

и большая часть народа, то и вліяніе церкви на народъ становилось все значительнѣе.

„Подарки и регулярные взносы церкви преслѣдовали обыкновенно опредѣленную цѣль: служить поддержанію бѣдныхъ. Такъ напримѣръ, расходованіе десятины было точно регулировано: ее нужно дѣлить на четыре части: одна доставалась епископу, другая—низшему духовенству, третья—на общественное богослуженіе и послѣдняя—расходовалась на призрѣніе бѣдныхъ.

„По мѣрѣ того, какъ германцы усваивали себѣ римскій способъ производства товаровъ, начали сказываться также и естественныя послѣдствія его: частная собственность—съ одной—и отсутствіе всякой собственности—съ другой стороны. Общее пользованіе лѣсомъ и выгономъ и вообще невоздѣлываемой землею, которое еще сохранилось рядомъ съ частной собственностью—частнымъ владѣніемъ обрабатываемой земли, до нѣкоторой степени задерживало обѣднѣніе крестьянъ. Однако, какъ разъ къ началу средневѣковья наступили событія, повергшія въ голодъ и отчаяніе цѣлыя большія области. Къ вѣчнымъ войнамъ и распрямъ феодаловъ и князей присоединились нашествія безчисленныхъ полчищъ, столь гибельныхъ для земледѣльческихъ народовъ, напр., орды кочевниковъ или пиратовъ, норманновъ, венгровъ, сарацинъ. Наконецъ, голодъ нерѣдко являлся послѣдствіемъ неурожая.

„Въ тѣхъ случаяхъ, когда общее бѣдствіе не достигало еще такихъ размѣровъ, что приходилось туго самой церкви, она въ минуту нужды являлась поистинѣ спасительнымъ геніемъ. Она открывала свои обширныя житницы, гдѣ сохранялись запасы, и надѣляла ими неимущихъ. Монастыри являлись большими благотворительными учрежденіями, гдѣ нерѣдко могъ найти убѣжище и дворянинъ безъ кола и двора, человѣкъ, почему-либо лишившійся наслѣдства. Дѣлаясь членомъ церкви, онъ становился могущественъ, достигалъ почестей и жилъ въ свое удовольствіе.

„Въ феодальномъ обществѣ не было ни одного класса, интересы котораго не связывались бы такъ или иначе съ церковью, хотя, конечно, не всегда въ одинаковой степени. Сомнѣваться въ необходимости церкви было въ средніе вѣка равносильно сомнѣнію въ необходимости общества и даже самой жизни. Конечно, церкви приходилось вести упорную борьбу съ другими классами, однако, борьба эта шла *не за ея существованіе*, а только за большую или меньшую степень ея могущества или за часть получаемаго ею дохода. Вся матеріальная и, конечно, нравственная жизнь находилась въ подчиненіи у церкви, она срослась со всей жизнью народа, пока, наконецъ, въ продолженіе вѣковъ, церковный образъ мыслей не сдѣлался своего рода *инстинктомъ*, которому слѣпо довѣряли, какъ закону природы, идти противъ котораго показалось бы противоестественнымъ; такъ было до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока всѣ государственныя, общественныя и семейныя условія были облечены въ церковную форму. И эти формы церковнаго образа мыслей и дѣйствій сохранились затѣмъ еще на долгое время послѣ того, какъ давно уже были устранены вызвавшія ихъ матеріальныя причины“.

Но эта полезная роль церкви въ жизни средневѣковья скоро стала клониться къ упадку, и церковь начала вредить дальнѣйшему развитію хозяйственной и духовной жизни государства. Неномѣрныя богатства, исключительная власть и господство надъ массами совершенно развратили папство и духовенство. Священническія и прочія высшія духовныя мѣста стали сплошь и рядомъ продаваться чуть-ли не съ торговъ. Петръ Даміани, негодовавшій по поводу скандальнаго образа жизни духовенства, доказалъ, что, напр., въ Миланѣ почти каждый священникъ получилъ свое мѣсто за деньги и

каждый имѣлъ свою наложницу. Духовенство почти открыто позволяло себѣ имѣть по одной и даже нѣсколько наложницъ и часто прямо-таки хвасталось своими незаконными дѣтьми и семействомъ. Пьянство и развратъ пользовались необыкновеннымъ почетомъ и распространеніемъ среди бѣлаго и чернаго духовенства. Но все это блѣднѣло передъ тѣмъ, что они позволяли себѣ дѣлать съ крѣпостными, захваченными арабами и другими плѣнниками: они вели обширнѣйшую торговлю ими, продавая ихъ, какъ невольниковъ, въ рабство черезъ евреевъ и арабовъ въ Азію и Африку. Особенно широко велась ими невольническая торговля дѣтьми арабовъ и крѣпостныхъ. Въ широкихъ размѣрахъ духовенство стало торговать реликвіями. Скоро дѣло дошло до того, что папы занялись продажею всякому, кто только могъ заплатить, такъ называемыхъ индульгенцій, т. е. грамотъ, отпускавшихъ грѣхи, не только прошлые, но, за извѣстную плату, и всѣ будущіе. Папы стали также торговать епископскими мѣстами, что извѣстно въ исторіи подъ именемъ симоніи. Торговать дѣтьми и невольниками не гнушались также и папы: по крайней мѣрѣ, противъ папы Адріана было выдвинуто прямое обвиненіе въ томъ, что онъ продавалъ своихъ вассаловъ въ рабство сарацинамъ. Императору Карлу Великому пришлось изслѣдовать это дѣло, и онъ дѣйствительно нашелъ, что эта гнусная продажа невольниковъ въ рабство производилась въ портѣ Чивета-Веккіи. Не желая оглашать этотъ позорный фактъ, онъ не тронулъ папы, но лишилъ его своего покровительства. Паденіе папства дошло до того, что оно стало простымъ владѣніемъ графовъ Тускуланскихъ и иногда переходило отъ развратныхъ женщинъ къ ихъ любовникамъ или незаконнымъ сыновьямъ, а съ 1044 г. оно просто продавалось за деньги. Папа Іоаннъ XXIII не гнушался, напр., продавать одно и то же духовное мѣсто по нѣсколько разъ, обманывая одного покупщика въ пользу другого, пока это мѣсто не оставалось за тѣмъ, кто давалъ больше всѣхъ; этотъ папа также продавалъ разрѣшенія на развратъ, игорные дома и занятія ростовщичествомъ (что очень строго преслѣдовалось въ средніе вѣка). Въ эту пору даже сложилась поговорка: „пьянъ, какъ папа“. Но удивительнѣе всего было то, что среди папъ и духовенства стало распространяться прямое невѣріе, часто сопровождавшееся открытой насмѣшкой и даже поруганіемъ надъ тѣмъ, что считалось для вѣрующихъ католиковъ самымъ святымъ, непререкаемымъ и неприкосновеннымъ.

Противъ папы Бонифація VIII, который велъ съ французскимъ королемъ Филиппомъ Красивымъ упорную борьбу за право взимать непомѣрные налоги съ жителей Франціи,—были выдвинуты два раза (разъ при его жизни, другой разъ—послѣ его смерти въ тюрьмѣ) страшныя для того времени обвиненія въ невѣріи, богохульствѣ и другихъ преступленіяхъ. Эти обвиненія настолько характерны, что мы приводимъ главныя изъ нихъ. Главные обвинительные пункты, которые старались выставить какъ вполнѣ доказанные, были, кажется, таковы [1]): „что Бонифацій высказывалъ мнѣніе, будто божественнаго закона вовсе нѣтъ, и что то, что считается этимъ закономъ, есть чистая выдумка людей, желавшихъ для своихъ цѣлей держать народъ въ страхѣ ужасами вѣчной кары; что утверждать существованіе Троицы значитъ утверждать ложь, и что вѣрить этой лжи глупо; что говорить о рожденіи отъ дѣвы есть нелѣпость, потому что такое рожденіе невозможно; что несправедливо утверждать, будто бы хлѣбъ превращается въ тѣло Христово; что христіанство есть ложь, потому что предполагаетъ будущую жизнь, для которой, однако, не существуетъ другихъ доказательствъ, кромѣ доказательствъ, приводимыхъ мечтателями“. Доказывали, будто папа говорилъ: „пусть Богъ дѣлаетъ со мной въ будущей жизни самое худшее,

1) Дреперъ „Исторія умств. разв. Европы“. Т. II, стр. 75.

что только ему вздумается; я вѣрую такъ, какъ долженъ вѣровать каждый образованный человѣкъ; народъ вѣритъ иначе. Мы должны говорить такъ, какъ это дѣлаетъ народъ, а вѣровать и думать такъ, какъ немногіе". Люди, слышавшіе его состязаніе съ нѣкоторыми парижанами, утверждали подъ присягой, будто бы онъ упоминалъ, между прочимъ, что „ни тѣло, ни душа не воскреснутъ вновь". Другіе свидѣтельствовали, „что онъ не вѣритъ ни въ воскресеніе, ни въ таинства церкви и отрицалъ грѣховность плотскихъ наслажденій".

Примицерій церкви св. Іоанна въ Неаполѣ утверждалъ, что въ то время, когда Бонифацій былъ еще кардиналомъ, онъ выразился при немъ: что „пусть только Богъ даетъ мнѣ хорошее въ этой жизни, а о будущей я мало забочусь. У человѣка не больше души, чѣмъ у какого-нибудь животнаго. Видѣли ли вы, чтобы душа когда-нибудь выходила изъ умирающаго?" Онъ любилъ насмѣхаться надъ блаженной Мадонной и І. Христомъ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

.

одинъ папа можетъ носить названіе вселенскаго; онъ одинъ имѣетъ право отрѣшать епископовъ; его легаты имѣютъ право предсѣдательства надъ всѣми епископами, собирающимися на соборѣ; папа можетъ низлагать отсутствующихъ прелатовъ; только онъ одинъ имѣетъ право возлагать на себя императорскія регаліи; государи обязаны цѣловать его ногу, и только его; онъ имѣетъ право низлагать императоровъ; никакой синодъ или соборъ, созванный безъ его позволенія, не можетъ называться генеральнымъ; никакая книга не можетъ быть признана каноническою безъ его власти; его приговоръ не можетъ быть отмѣненъ никѣмъ, но онъ можетъ отмѣнять постановленія всѣхъ; римская церковь была, есть и будетъ непогрѣшимою; всякій, кто не соглашается съ этимъ, перестаетъ быть католическимъ христіаниномъ, и, наконецъ, подданные могутъ быть разрѣшаемы отъ присяги на вѣрность нечестивымъ государямъ". Это былъ высшій расцвѣтъ внѣшняго папскаго могущества, но въ то же время папство изнемогало подъ бременемъ безумной роскоши, безумной растраты денегъ на безчисленныя тайныя и явныя цѣли папъ. Поборы съ Западной Европы въ пользу папства становились невыносимыми и — вмѣстѣ съ позорными нравами, съ выступавшими каждый разъ на свѣтъ Божій преступленіями и злодѣяніями—вызывали возмущеніе въ вѣрующихъ католикахъ. Папству во что бы то ни стало надо было поддержать свое могущество, уваженіе къ себѣ, а главное, непрерывный притокъ денегъ.... И для этого было найдено новое средство, которое на время, дѣйствительно, еще болѣе усилило значеніе и вліяніе папъ и дало папству средства, но которое вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ послѣдствіяхъ подорвало это самое значеніе папъ и всей римской церкви и обратило эту послѣднюю въ тормазъ дальнѣйшаго общественнаго развитія западно-европейскихъ государствъ. Этимъ средствомъ были крестовые походы на востокъ для завоеванія и отобранія изъ рукъ невѣрныхъ (турокъ и арабовъ) святыхъ мѣстъ христіанства. Эти крестовые походы двинули на востокъ громадныя толпы разныхъ завоевателей и низшихъ массъ населенія. Послѣднія толкало въ крестовые походы поголовное разореніе. Такъ или иначе, папство во время крестовыхъ походовъ процвѣтало, повелѣвало государями, которые должны были поочередно принять участіе въ этихъ походахъ и, такимъ образомъ, какъ бы становились посланниками, исполнявшими святую волю папъ.

Крестовые походы на первое время подняли также и религіозное одушевленіе и вѣру въ церковь, которая такъ замѣтно стала падать къ этому времени. Но эти же крестовые походы несли смерть могуществу папъ и римской церкви. Дѣло въ томъ, что эти походы сблизили Западную Европу съ Востокомъ, создали оживленную торговлю, развили усиленный обмѣнъ товаровъ тѣхъ и другихъ странъ, познакомили европейцевъ со многими ремеслами, заставили ихъ, ради той же торговли, усиленно приняться за развитіе ремеслъ, наукъ и мореплаванія... Съ этихъ поръ для Европы открылись богатые рынки, куда можно было сбывать хлѣбъ и кожи, всякое сырье и прочіе продукты, которые раньше оставались на мѣстахъ. Это давало возможность обратить въ деньги продукты сельскаго хозяйства и ремесла, а при помощи денегъ легче и быстрѣе расширять производство тѣхъ же самыхъ продуктовъ. Создалась жажда денегъ и обогащенія. Въ силу развитія торговли, товарнаго обмѣна, возможности обращенія всѣхъ продуктовъ-товаровъ въ деньги, церковь также стала усиленно сбывать свои продукты земледѣлія и ремеслъ на сторону, обращать ихъ въ деньги, накапливать денежныя сокровища. А это вело къ уменьшенію заботы церкви и монастырей о нищемъ и голодающемъ населеніи: деньгами и сокровищами у церкви являлось менѣе охоты дѣлиться, чѣмъ сырыми продуктами, которыхъ къ тому же некуда было сбывать. Такимъ образомъ, роль поддержки голодающаго населенія стала постепенно сходить на

нѣтъ. Наоборотъ, въ церкви развилась непомѣрная жажда денежнаго обогащенія. Имѣя возможность сбывать свои продукты и обращать ихъ въ деньги, церковь стала усиленно эксплоатировать своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. И скоро папство и монастыри стали отягощенному поборами населенію прямо ненавистны. Вредная, паразитическая роль папства и монастырей сознавалась сверху до низу, начиная съ королей и князей и кончая послѣднимъ крѣпостнымъ: одинаково какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ чрезмѣрныя богатства, жадность и усиленные поборы, тратившіеся на безумную роскошь и развратъ папства и монастырей, сдѣлались бѣльмомъ на глазу, отъ котораго такъ или иначе всѣмъ хотѣлось отдѣлаться. И свѣтскіе государи и князья не упускаютъ случая, гдѣ можно, отдѣлаться отъ поборовъ въ пользу „лепты св. Петру“, урвать у монастырей часть ихъ драгоцѣнностей, ихъ земельнаго богатства; а низшее бѣлое духовенство они стремятся все болѣе и болѣе подчинить своей власти, обращая ихъ, гдѣ можно, въ своихъ подчиненныхъ слугъ, въ своихъ чиновниковъ.

На ряду съ возраставшей роскошью, жадностью, испорченностью и развращенностью церкви, падало значеніе послѣдней, какъ представителя и разсадника науки, техники и культуры. Знакомство и оживленныя сношенія съ Востокомъ, съ арабской культурой, содѣйствовавшей расцвѣту естественныхъ наукъ, развившійся товарный обмѣнъ и товарное производство вызвали необходимость въ дальнѣйшемъ и довольно быстромъ развитіи науки и техники, въ расширеніи умственнаго кругозора, въ болѣе свободномъ отношеніи къ разнымъ вопросамъ жизни, религіи и общаго пониманія окружающей дѣйствительности. Новый, товарный, капиталистическій способъ производства и получившій толчекъ отъ сношеній съ Востокомъ, благодаря крестовымъ походамъ, ростъ городовъ, городского, болѣе подвижного населенія, вообще, создали большую подвижность и быстроту въ развитіи хозяйственной, общественной и умственной жизни западноевропейскихъ народовъ; выросло критическое отношеніе къ старымъ порядкамъ въ религіозной и общественной жизни.

Разумѣется, католическая церковь должна была и не могла не стать во враждебное отношеніе къ новому духу, новымъ потребностямъ, новымъ стремленіямъ и нарождавшимся новымъ формамъ общественной и умственной жизни Европы. И она стала врагомъ науки и культуры. Церковь позаботилась выставить всѣ дальнѣйшія пріобрѣтенія науки, естественно - научнаго познанія, развивавшейся общественной и философской мысли непримиримыми врагами религіи и божественныхъ установленій. Развивается мрачная, кровавая эпоха религіозныхъ преслѣдованій всѣхъ, кто позволяетъ себѣ мыслить немного иначе, чѣмъ это повелѣвала римская церковь. Возникаютъ страшные суды инквизиціи, которые по малѣйшему подозрѣнію объявляли еретикомъ и сжигали на кострѣ или замучивали въ невѣроятныхъ по своей нечеловѣческой жестокости пыткахъ... Гибла масса народу, гибли евреи, гибли правовѣрные католики. Немилосердно жгли всѣхъ, кого имѣлось хоть малѣйшее основаніе заподозрить въ занятіяхъ естественными науками. Гибли мыслители и философы, которые стремились хоть немного расширить и освѣтить кругозоръ людей, бывшій такимъ узкимъ и темнымъ. Такъ погибъ знаменитый философъ Джордано Бруно, пострадалъ еще болѣе знаменитый физикъ Галилей; не приходится говорить о тѣхъ, кто стремился критиковать церковь и объявлялся явнымъ еретикомъ: эти погибали особенно вѣроломно и немилосердно. Вспомнимъ хотя бы вѣроломную смерть Іоанна Гуса, который былъ вызванъ на соборъ и сожженъ по его постановленію, несмотря на то, что императоръ Сигизмундъ выдалъ ему охранительную грамоту и ручался въ его личной неприкосновенности. Такъ же погибъ монахъ Савонаролла, который пламенно изобличалъ развращенность и распущенность духовенства и

творившихся въ католической церкви безобразій, противъ ея невозможнаго умственнаго гнета. Церковь перестала обслуживать матеріальныя и духовныя нужды: эти послѣднія переросли ее—и она обратилась въ паразита, высасывавшаго всѣ матеріальные и умственные соки изъ народнаго тѣла и души римско-католическихъ государствъ. Все шло противъ нея, и она неизбѣжно шла противъ всего. И хотя силы ея слабѣли, она все же страшно тормазила матеріальное и культурное развитіе Европы. Ненависть противъ церкви все возрастала и возрастала. Всѣ слои населенія, не исключая государей и королей, неудержимо стремились такъ или иначе освободиться отъ ея гнета, отъ ея разоряющаго и разлагающаго вліянія.

Чтобы показать, до чего дошла общая ненависть противъ папства и его приспѣшниковъ, приведемъ извлеченія изъ блестящаго памфлета на папство Ульриха фонъ-Гутена, одного изъ самыхъ передовыхъ людей того времени (такъ называемыхъ гуманистовъ): „Взгляните на великую житницу земного шара (Римъ), куда стаскивается все то, что награблено и отнято у другихъ земель; въ серединѣ ея сидитъ ненасытный хлѣбный червь, поглощающій несмѣтныя количества зерна; онъ окруженъ сонмомъ сотрапезниковъ, высосавшихъ сначала нашу кровь, затѣмъ обглодавшихъ наше мясо, добравшихся, наконецъ, до мозга нашихъ костей, которыя они для этого разбиваютъ и перегрызаютъ, и переживаютъ все, что еще отъ насъ осталось. Развѣ нѣмцы не могутъ взяться за оружіе, развѣ не станутъ они защищаться огнемъ и мечемъ? Вотъ грабители нашего отечества, которые раньше обирали наиболѣе сильную націю только съ непомѣрной жадностью, а теперь дѣлаютъ это съ великимъ остервенѣніемъ и нахальствомъ: они утопали въ нѣмецкомъ потѣ и германской крови, они заполняютъ свою утробу нашими кишками и ими упитываютъ свое чревоугодіе. Мы даемъ имъ деньги; на нихъ они держатъ себѣ лошадей, собакъ, муловъ, любовницъ и мальчиковъ. На наши деньги они удовлетворяютъ свою злобу, живутъ праздно и весело, одѣваются въ пурпуръ, обряжаютъ лошадей и муловъ въ золото, строятъ себѣ дворцы изъ чистаго мрамора. Являясь носителями благочестія, они не только не благочестивы, но прямо презираютъ добродѣтель, глумятся надъ ней и оскорбляютъ ее. Прежде они опутывали насъ мнимыми добродѣтелями, ложью, хитростями и обманомъ и добирались, такимъ образомъ, до нашего кошелька; теперь они прибѣгаютъ къ угрозамъ, запугиванію и силѣ, чтобы ограбить насъ, какъ это дѣлаютъ голодные волки. А намъ еще приходится за ними ухаживать; мы не только не въ правѣ ощипать или заколоть ихъ, мы не смѣемъ даже слегка ихъ коснуться. Когда же мы, наконецъ, поумнѣемъ настолько, что примемся мстить имъ. Если прежде насъ удерживала отъ этого мнимая религія, то теперь насъ принуждаетъ къ тому необходимость“ [1])... Это блестящее обличеніе достаточно говоритъ о томъ, что чаша терпѣнія была переполнена, и что все давно уже было готово къ отложенію отъ папства и римской церкви. Нужны были какіе-нибудь внѣшніе поводы, чтобы дать толчекъ этому готовому, но еще скрытому отложенію, и какой-нибудь сильный человѣкъ, который взялъ бы на себя смѣлость первымъ открыто и прямо порвать съ папствомъ и сумѣлъ бы вынести на своихъ плечахъ этотъ разрывъ до конца, чтобы своимъ примѣромъ придать храбрости другимъ и увлечь ихъ на путь открытаго протеста. Нашлись поводы, нашелся и такой человѣкъ. Этимъ открытымъ сильнымъ протестантомъ явился Мартинъ Лютеръ, который положилъ начало разрыву съ римской церковью и эпохѣ, извѣстной подъ именемъ реформаціи. Лютеръ и его послѣдователи въ своемъ протестѣ нашли сочувствіе не только въ низшихъ классахъ германскаго населенія, но также и во многихъ владѣтельныхъ князьяхъ, которые воспользовались этимъ

случаемъ, чтобы конфисковать и отобрать въ свои руки обширныя земельныя и прочія богатства монастырей и епископатовъ. Въ области религіозной реформаторы, съ Лютеромъ во главѣ, постарались отдѣлаться отъ тысячи предразсудковъ, извращенныхъ толкованій, суевѣрій, прямо языческихъ обрядовъ, которые составляли основу римско-католической религіи. Они положили начало болѣе свободному толкованію Евангелія, религіозныхъ догматовъ, сдѣлали доступнымъ самое Евангеліе, переведя его на родной нѣмецкій языкъ. Словомъ, реформація, кромѣ матеріальнаго переворота, который ознаменовался массовымъ отобраніемъ церковныхъ и монастырскихъ земель и имуществъ, уничтоженіемъ безчисленныхъ поборовъ въ пользу Рима и папы,—положила начало большей свободѣ религіозной мысли и чувства, большей свободѣ научнаго изслѣдованія, развитію городской и мірской жизни. Реформація дала, такъ сказать, исходъ и выходъ тѣмъ новымъ потребностямъ и запросамъ, которые выдвигались новымъ способомъ товарнаго, капиталистическаго производства, развитіемъ естественно-научныхъ изслѣдованій и необходимостью общаго расширенія знаній и умственнаго кругозора.

Все дальнѣйшее развитіе матеріальной и умственной жизни Европы шло подъ знаменемъ борьбы съ гнетомъ церкви, подъ знаменемъ, на которомъ были написаны требованія: свободы совѣсти, свободы научнаго изслѣдованія, освобожденія отъ опеки церкви надъ личной, семейной и общественной жизнью человѣка. Началась вѣковая борьба, изъ которой католическая церковь вышла, если не въ концѣ побѣжденной, то сильно урѣзанной въ своихъ правахъ, привилегіяхъ и въ своей власти надъ общественной и умственной жизнью европейскихъ государствъ. Для поддержанія падавшаго папскаго могущества и для борьбы съ реформаціей ревностные сыны римско-католической церкви основали въ 1540-мъ году во главѣ съ нѣкіимъ Лойолою такъ называемый орденъ іезуитовъ. Этотъ орденъ ставилъ себѣ цѣлью всѣми мѣрами и средствами проникать во всѣ сферы жизни и, занимая соотвѣтственные посты и общественныя положенія, вліять на религіозную мысль и чувство окружающихъ, вербуя, такимъ образомъ, новыхъ сторонниковъ папы и вѣрныхъ сыновъ церкви. Они въ своей дѣятельности руководились знаменитымъ ими впервые введеннымъ или, по крайней мѣрѣ, ими впервые открыто высказаннымъ правиломъ: „цѣль оправдываетъ средства“. И дѣйствительно, ради „святой“ цѣли поддержанія господства папы и римской церкви они пускали въ ходъ и кинжалъ, и ядъ, и вѣроломство, и многія другія преступленія. Они проникали всюду въ Европу и Азію, становились совѣтниками государей и королей, учеными, врачами, аптекарями, даже простыми ремесленниками—и съ этихъ-то постовъ искусно раскидывали свои опасныя, цѣпкія сѣти. Ихъ вредное вліяніе стало скоро ощущаться еще болѣе сильно, чѣмъ вліяніе обыкновеннаго духовенства. Они становятся ненавистными всей Европѣ. Ихъ въ XVIII вѣкѣ начинаютъ изгонять изъ одной страны въ другую. Изъ Франціи іезуиты изгоняются въ 1764-мъ году. Такое же изгнаніе къ этому времени происходитъ и въ другихъ странахъ. Дѣло папства, основанное на стремленіи безраздѣльно господствовать надъ всѣми областями жизни, надъ свѣтской властью государствъ, во всякомъ случаѣ, было проиграно. Монархи давно уже короновались безъ содѣйствія папъ, совершенно не считались съ послѣдними и давно уже стали отъ папъ совершенно независимыми. Бѣлое и черное духовенство пользовалось еще громадными земельными угодьями, многочисленными привилегіями, но подчинялось уже болѣе свѣтскому государю своей страны, чѣмъ своему духовному владыкѣ—папѣ.

Чрезвычайно усилившаяся въ XVII и XVIII вѣкахъ королевская, такъ называемая абсолютная власть, надѣляя духовенство новыми привилегіями, обратила его изъ строптиваго и независимаго господина въ своего вѣрнаго слугу.

свою власть и господство надъ народными массами съ королевской властью и съ дворянствомъ. Эти три силы составили трогательный союзъ для взаимной поддержки при эксплоатаціи населенія страны. Чѣмъ дальше шло развитіе соціальной жизни, науки, человѣческой мысли, тѣмъ все враждебнѣе и враждебнѣе становились противъ этихъ новыхъ потребностей развивающейся жизни королевская власть и дворянство. О духовенствѣ же и говорить нечего: оно давно уже стало ненавистникомъ всякой свободы мысли, всякаго дальнѣйшаго развитія и измѣненія общественныхъ порядковъ.

Такимъ образомъ, духовенству еще разъ пришлось пріобщить религію къ дѣлу королевской власти и дворянства противъ новыхъ потребностей развивающейся жизни. Потерявъ контроль и вліяніе на хозяйственную жизнь страны, духовенство тѣмъ ревностнѣе взялось за область умственной жизни, овладѣвъ школой, воспитаніемъ, гдѣ оно взращивало ненависть противъ всякой новой мысли, поддерживало суевѣріе, невѣжество и темноту народныхъ массъ. А новая жизнь, между тѣмъ, неудержимо требовала свободы въ хозяйственной, экономической дѣятельности, свободы въ эксплоатаціи труда все возраставшихъ неимущихъ массъ населенія, въ формѣ наемнаго труда на фабрикахъ и въ мануфактурахъ, требовала нужной для этого свободы передвиженія, а, главное, уничтоженія всѣхъ цеховыхъ и прочихъ стѣсненій, уничтоженія дворянскихъ и прочихъ привилегій. Соотвѣтственно этому основному требованію новыхъ условій экономической жизни, неудержимо выдвигались требованія гражданской свободы вообще: свободы совѣсти, свободы слова, устнаго и печатнаго, свободы всякихъ союзовъ и организацій, свободы собраній; наконецъ, освобожденія личности человѣка отъ чрезмѣрной опеки государственной власти. Къ этому времени выросъ новый общественный классъ, капиталисты, фабриканты, крупные банкиры, торговцы, словомъ—буржуазія, которая являлась представителемъ этой новой жизни и ея требованій. Буржуазія объявила войну всѣмъ тремъ силамъ стараго государства: королевской власти, дворянству и духовенству. Королевскую власть она хотѣла ограничить въ ея абсолютизмѣ и самодержавномъ господствѣ надъ государствомъ и стремилась раздѣлить съ нею власть, введя народное представительство, т. е. выборныхъ отъ „народа“, лучше сказать, отъ самой буржуазіи. Дворянство она хотѣла лишить его земельныхъ богатствъ, которыми оно не умѣло выгодно распоряжаться, не будучи въ состояніи извлекать изъ нихъ все то, что могла бы изъ нихъ извлечь сама буржуазія; а вмѣстѣ съ тѣмъ она хотѣла лишить дворянство и его привилегій, какъ перваго сословія въ государствѣ. Духовенство она также стремилась лишить его богатствъ и затѣмъ ограничить его господство надъ умственной жизнью страны: буржуазіи до извѣстной поры нужна была свобода мысли, свобода развитія научныхъ знаній, которыя вѣдь такъ сильно двигали впередъ технику и машинное производство, т. е. именно то, изъ чего буржуазія извлекала такіе огромные доходы и богатства. Во всякомъ случаѣ, буржуазіи, ея мыслителямъ и ученымъ казалось уже дикимъ, варварскимъ и безсмысленнымъ преслѣдовать людей за ихъ религіозныя убѣжденія, хотя бы эти послѣднія достаточно далеко отклонялись отъ установленной догмы. Не имѣя намѣренія уничтожить церковь, какъ религіозно-общественную организацію, буржуазія своимъ требованіемъ свободы совѣсти и религіознаго исповѣданія хотѣла лишь ограничить церковь въ ея грубыхъ и варварскихъ притязаніяхъ на исключительное руководительство и господство въ дѣлѣ религіознаго чувства человѣка. И вотъ, въ концѣ XVIII в., въ 1789 г., разразилась великая французская революція, которая сломила могущество королевской власти и дворянства и положила начало осуществленію новыхъ условій экономической, государственной, общественной и умственной жизни не только Франціи, но всѣхъ Западной Европы. На ряду съ другими свободами стала осуществляться [illegible]

совѣсти, и къ половинѣ XIX вѣка во всей Европѣ, гдѣ къ этому времени всюду установился буржуазный политическій строй, получившій имя конституціоннаго, свобода совѣсти вездѣ, исключая Россію и Турцію, стала общепризнанной, никѣмъ не оспариваемой.

III.

Современное положеніе вещей и стремленіе къ отдѣленію церкви отъ государства.

Разсмотрѣвъ исторію развитія религіи, христіанства и особенно римско-католической церкви, мы пришли, такимъ образомъ, къ современному положенію вещей, которое, начиная съ эпохи великой французской революціи, установилось въ теченіе XIX вѣка во всей Западной Европѣ. Мы оставили въ сторонѣ развитіе восточной греко-византійской, православной церкви, ибо во многомъ это развитіе сходно съ развитіемъ римско-католической церкви, во многомъ же является менѣе характернымъ и менѣе могущественнымъ по своему вліянію на общественную жизнь. Въ обзорѣ событій мы остановились на имѣвшей мѣсто во всей Западной Европѣ борьбѣ за установленіе свободы совѣсти. Разсмотрѣніе того, что разумѣется подъ свободою совѣсти, приводитъ насъ въ то же время къ разсмотрѣнію современнаго общаго порядка въ дѣлѣ религіи, церкви и ея отношеній къ государству.

Подъ свободой совѣсти разумѣютъ свободу исповѣдывать какія угодно религіозныя убѣжденія, свободу даже вовсе не имѣть этихъ убѣжденій. Такимъ образомъ, свобода совѣсти впервые устанавливаетъ, что дѣло религіи или, точнѣе говоря, религіознаго чувства—есть частное, личное дѣло каждаго человѣка, и никакая власть—ни государство, ни духовенство той или другой религіи, ни какое-либо общественное учрежденіе—не въ правѣ вмѣшиваться въ религіозную жизнь человѣка. Разъ признается, что религія есть частное, личное дѣло каждаго человѣка, то, казалось бы, должны быть признаны и всѣ вытекающія отсюда послѣдствія. Должны быть уничтожены всякія преимущества и привилегіи, даваемыя какой-либо религіи и ея послѣдователямъ. Государство, дѣйствительно, не должно вмѣшиваться въ отправленіе религіозныхъ обязанностей своихъ членовъ и должно отдѣлить себя отъ всякой религіи и ея установленій, т. е. церкви. И самая церковь, какъ связь людей, исповѣдующихъ опредѣленную религію, должна превратиться въ частную, добровольную организацію или общество тѣхъ, кто пожелалъ бы составлять такую организацію, общество для болѣе удобнаго отправленія религіозныхъ потребностей его членовъ. Между тѣмъ, на дѣлѣ, все почти повсюду обстоитъ совершенно иначе. Новый буржуазный порядокъ, сломивъ могущество духовенства, ограничивъ его притязанія, введя свободу совѣсти, не довелъ дѣла истинной религіозной свободы до конца, а остановился на половинѣ. И эта половинчатость заключается въ томъ, что, уничтоживъ всякія религіозныя преслѣдованія, предоставивъ всѣмъ свободу вѣроисповѣданія, новый государственный порядокъ не уничтожилъ покровительства опредѣленной религіи, какая до того времени господствовала въ данной странѣ, а наоборотъ, сохранилъ и эту религію, и ея общественную организацію, т. е. церковь, до сихъ поръ поддерживая изъ своихъ государственныхъ средствъ служителей данной религіи, именуемой государственною, предоставляя этимъ служителямъ свои школы и другія вспомогательныя учрежденія для прямого воздѣйствія на народныя массы въ духѣ этой государственной религіи. Во всѣхъ почти странахъ Западной Европы дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ. Религія большинства народа, послѣ всѣхъ буржуазныхъ революцій (установившихъ буржуазный порядокъ и конституціонное управленіе), осталась религіей

ство изъ своихъ средствъ, собираемыхъ со всего народа, содержитъ священнослужителей государственной религіи, строитъ храмы и прочія мѣста отправленія религіозныхъ потребностей, оказываетъ государственной религіи всякую поддержку, снаряжаетъ въ другія, варварскія страны религіозныя миссіи, которыя именемъ религіи (часто довольно жестоко) закрѣпляютъ военное и торговое господство государства въ этихъ варварскихъ странахъ или такъ называемыхъ колоніяхъ. Наконецъ, государство создаетъ для данной религіи многія привилегіи и преимущества. На ряду съ прямой матеріальной поддержкой данной религіи, государство передаетъ въ руки ея духовенства дѣло воспитанія и обученія въ школахъ, многія просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія, гдѣ духовенство можетъ вести дѣло воспитанія и благотворенія въ такомъ направленіи, чтобы, безъ соперничества со стороны другой религіи, вербовать себѣ изъ малолѣтнихъ и взрослыхъ своихъ приверженцевъ. Такимъ образомъ получается самое нелѣпое положеніе. Государство собираетъ налоги и денежныя средства со всего населенія, исповѣдующаго не одну, а нѣсколько религій, а между тѣмъ расходуетъ эти средства только на поддержку одной религіи (не считая Франціи, гдѣ государство поддерживало и другіе культы, какъ іудейство и нѣк. др.). Выходило и выходитъ, что протестанты, евреи и граждане-послѣдователи другихъ вѣроисповѣданій своими деньгами должны поддерживать, скажемъ, религію римско-католическую, которая единственно пользуется поддержкой и покровительствомъ государства. Правда, въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ это было до послѣднихъ лѣтъ, напр., во Франціи, государство покровительствовало не одной, а нѣсколькимъ религіямъ: оказывало матеріальную поддержку римско-католическимъ священнослужителямъ такъ же, какъ и пасторамъ протестантской церкви, какъ и раввинамъ іудейской религіи. Но все же преимуществами и привилегіями пользовалась со стороны французскаго государства только римско-католическая церковь: достаточно вспомнить хотя бы, что религіозныя миссіи отправлялись государствомъ отъ имени римско-католической церкви, и никогда бы не вздумало оно отправлять миссію отъ протестантовъ или іудеевъ; большая часть школъ, почти все обученіе и воспитаніе было также предоставлено только римско-католической церкви. Во всякомъ случаѣ, положеніе вещей нисколько не измѣнялось отъ того, покровительствуетъ ли государство одной или нѣсколькимъ религіямъ. Важенъ самый фактъ покровительства какой бы то ни было религіи. А это самое покровительство, эта связь церкви съ государствомъ явилось тормазомъ общественнаго и духовнаго развитія страны. Церковь, покровительствуемая государствомъ, становилась въ рукахъ послѣдняго могучимъ орудіемъ для воздѣйствія на жизнь народныхъ массъ, на ихъ стремленія къ преобразованіямъ, на ихъ умъ и чувство. И чѣмъ болѣе развертывался новый буржуазный порядокъ вещей съ его массовымъ обнищаніемъ народа, съ его чрезмѣрной эксплоатаціей неимущихъ, вынужденныхъ жить лишь продажей своего труда капиталистамъ, этимъ единственнымъ обладателямъ всѣхъ средствъ производства, всѣхъ богатствъ и силъ страны; чѣмъ болѣе разверзалась пропасть между буржуазіей и бѣднымъ, рабочимъ классомъ; чѣмъ болѣе этотъ новый общественный классъ, выросшій изъ нѣдръ буржуазнаго порядка, какъ нѣкогда изъ нѣдръ крѣпостничества и дворянства выросла сама буржуазія, сталъ стремиться къ преобразованію невыгоднаго для него строя, къ уничтоженію классоваго господства буржуазіи,—тѣмъ болѣе западныя государства, т. е. та же буржуазія (ибо только она стоитъ у государственной власти на Западѣ и ею [illegible]ъ), сознательно стремились удержать эту связь церкви съ государствомъ, чтобы изъ церкви сдѣлать свое орудіе въ борьбѣ съ недовольствомъ буржуа[illegible]емъ въ народныхъ массахъ, орудіе воздѣйствія на эти массы, орудіе [illegible] консервативныхъ нападъ. Еще и еще разъ церковь пу[illegible]

имѣющіяся въ ея распоряженіи средства для оправданія въ глазахъ массъ всего существующаго современнаго общественнаго порядка и того имущественнаго неравенства, которые создались благодаря примѣненію наемнаго труда... Какъ нѣкогда съ королевской властью и дворянствомъ, такъ впослѣдствіи западная церковь входитъ въ трогательный союзъ съ буржуазіей и объявляетъ чуть ли не религіознымъ святотатствомъ всякое стремленіе неимущихъ, пролетаріата, т. е. подавляющаго большинства народа, къ измѣненію института частной собственности и поучаетъ о божественномъ происхожденіи этой частной собственности и т. д. Школы, просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія, любезно предоставляемыя церкви западными государствами, стали мѣстами и разсадниками этого вліянія церкви на народъ.

Теперь безъ дальнѣйшихъ объясненій становится уже совершенно яснымъ и понятнымъ, почему представителями интересовъ народныхъ массъ и наиболѣе честными представителями интеллигентной, образованной части буржуазіи выдвигается на очередь настоятельное требованіе отдѣленія церкви отъ государства. Не менѣе понятнымъ становится и то, въ чемъ заключается это требованіе. Вредъ связи церкви съ государствомъ очевиденъ, и эта связь постепенно стала уничтожаться. Явилось сознаніе необходимости свободы вѣроисповѣданія и уничтоженія разъ навсегда такого положенія вещей, при которомъ религія можетъ становиться орудіемъ то въ тѣхъ, то въ другихъ рукахъ. Была понята необходимость вырвать ее, какъ орудіе, изъ чьихъ бы то ни было рукъ. А это только и могло быть достигнуто отдѣленіемъ церкви отъ государства: полнымъ осуществленіемъ такого порядка, при которомъ религія сдѣлается, наконецъ, дѣйствительно частнымъ, личнымъ дѣломъ каждаго человѣка.

Давъ общій очеркъ развитія церкви съ самаго зарожденія христіанства и показавъ въ краткихъ чертахъ тотъ путь, который неизбѣжно приводитъ къ необходимости отдѣленія церкви отъ государства, мы перейдемъ теперь къ болѣе подробному изложенію какъ самаго принципа отдѣленія церкви отъ государства, такъ и эволюціи отношеній государства и церкви въ отдѣльныхъ странахъ вплоть до нашихъ дней.

Главные типы церковно-политическихъ системъ, т. е. системъ отношенія церкви къ государству, существовавшихъ на всемъ протяженіи исторіи христіанскихъ народовъ Европы, сводятся—по Мартенсу [1]), напр.,—къ слѣдующимъ четыремъ типамъ: исключительное господство государственной церкви, государство церковное, государство христіанское и, наконецъ, государство правовое. Профессоръ теологіи Эрнстъ Трельтшъ въ своей напечатанной рѣчи „объ отдѣленіи церкви отъ государства, государственномъ преподаваніи религіи и теологическихъ факультетахъ“ [2]) выводитъ главные типы церковно-политическихъ системъ изъ господствующаго въ тотъ или иной историческій періодъ пониманія народомъ религіозной истины. Первобытное и грубое представленіе религіозной истины сводится къ признанію единой истины, одинаково обязательной для всѣхъ, а отсюда создается представленіе о единой церкви, которая, во имя обладанія этой единой божественной истиной, стремится къ подчиненію себѣ всего и

---

[1]) Martens. „Die Beziehungen der Ueberordnung, Nebenordnung und Unterordnung zwischen Kirche und Staat“. Цитирую по Соколову: „Государственное положе[illegible] Германіи по дѣйствующему праву“, 1899 г., Казань, IV стр.

[illegible]tsch. „Die Trennung von Staat und Kirche, der staatliche Religions[illegible]ne theologischen Fakultäten“. 1907. Tübingen. стр. 7 и далѣе.

всѣхъ. Болѣе утонченное представленіе истины допускаетъ уже существованіе многихъ различныхъ истинъ съ различной субъективной силой ихъ убѣдительности, а потому допускается существованіе и многихъ различныхъ церквей и, какъ выводъ изъ этого, отвергается возможность исключительнаго господства надъ обществомъ какой-нибудь одной изъ нихъ. И, наконецъ, третье отношеніе устанавливается въ случаѣ существованія нѣсколькихъ одинаково равноправныхъ идеаловъ религіозной истины, имѣющихъ въ своемъ основаніи одинъ общій источникъ единой божественной истины. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ типъ единой церкви, которая внутренне и нерасторжимо связана со всей государственной жизнью; второй типъ сводится къ системѣ свободныхъ церквей, гдѣ произвольное число различныхъ церквей въ самомъ существенномъ регулируется существующими въ государствѣ общими законами о союзахъ. И, наконецъ, третій типъ сводится къ системѣ такъ называемыхъ земскихъ церквей или, какъ ихъ называетъ Блюнчли, церквей большинства народа, и характеризуется тѣмъ, что опредѣленное небольшое число церквей получаетъ со стороны государства признаніе въ качествѣ публично-правовыхъ союзовъ, сливающихъ свои цѣли съ цѣлями государства, а потому получающихъ отъ государства матеріальное содержаніе и поддержку, но за то въ свою очередь предоставляющихъ государству значительное на нихъ вліяніе. Дальнѣйшей, наиболѣе совершенной формой отношеній государства и религіи является полная раздѣльность ихъ существованія, полное отдѣленіе церкви отъ государства. Главными составными элементами принципа отдѣленія церкви отъ государства являются—по Вильгельму Калю [1])—свобода вѣроисповѣданія, церковная автономія и государственный суверенитетъ. Профессоръ Бердниковъ въ своей „Рѣчи о новомъ государствѣ и его отношеніи къ религіи“ (Казань, 1888 г.) существенными элементами этого принципа считаетъ отсутствіе государственной (т. е. господствующей) и даже какой-либо привилегированной религіи, верховенство государства, полную политическую равноправность религіозныхъ обществъ съ автономіей въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ и, наконецъ, устраненіе религіи отъ всякаго вліянія на гражданское общежитіе и политическія отношенія. Болѣе полнымъ, на нашъ взглядъ, является слѣдующее расчлененіе изслѣдуемаго нами принципа: свобода совѣсти и вѣроисповѣданія, частноправовое и равноправное въ отношеніи другъ къ другу положеніе религіозныхъ обществъ, государственное верховенство (суверенитетъ) и полное освобожденіе общественно-политическихъ отношеній отъ какого бы то ни было вліянія какой бы то ни было религіи.

Обратимся теперь къ характеристикѣ каждаго изъ этихъ элементовъ въ отдѣльности.

О свободѣ совѣсти и свободѣ вѣроисповѣданія было сказано уже выше при описаніи эволюціи церкви до и послѣ великой французской революціи. Остановимся, поэтому, на другихъ элементахъ нашего принципа. Частноправовое и равноправное по отношенію другъ къ другу положеніе религіозныхъ обществъ характеризуется слѣдующими чертами. Государство перестаетъ поддерживать и оплачивать священнослужителей какой бы то ни было религіи, строить храмы и проч. Все это становится частнымъ дѣломъ вѣрующихъ. Послѣдніе сами заботятся объ удовлетвореніи и отправленіи своихъ религіозныхъ потребностей: собираютъ со своихъ единомышленниковъ средства, содержатъ на нихъ своихъ священнослужителей, устраиваютъ религіозныя сообщества, строятъ свои молитвенные дома. Религіозныя сообщества обращаются въ такія же частныя сообщества, не въ какой связи съ государствомъ не стоящія, какими представляются всякія другія частныя сообщества людей, какъ напр., союзы взаимопомощи, [illegible]

[1]) „Lehrsystem des Kirchenrechts und der Kirchenpolitik“. 18[illegible]

нения знаній и т. д. Государство вмѣшивается въ эти религіозныя сообщества постольку лишь, поскольку оно вмѣшивается и въ жизнь другихъ сообществъ, а именно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствія этихъ сообществъ нарушаютъ свободу другихъ или начинаютъ проявлять дѣятельность, явно идущую во вредъ большинству населенія страны. Въ силу этихъ же условій государство присваиваетъ себѣ власть дозволять или запрещать возникновеніе или существованіе тѣхъ или иныхъ сообществъ вообще и религіозныхъ сообществъ въ частности, а также и власть регулировать ихъ юридическое положеніе, ограждая своей санкціей и своей регламентаціей общественное благо и безопасность гражданъ. Затѣмъ государство слѣдитъ за тѣмъ, чтобы церковныя дисциплинарныя взысканія, налагаемыя религіознымъ сообществомъ-церковью на своихъ членовъ, не выходили за предѣлы чисто церковныхъ или религіозныхъ обязанностей этихъ членовъ и ни въ коемъ случаѣ не затрагивали ихъ гражданскихъ или личныхъ благъ. Для предупрежденія возможныхъ при отправленіи религіозныхъ обязанностей столкновеній государство ограничиваетъ нѣкоторыя внѣшнія проявленія религіозныхъ дѣйствій: можетъ, напр., запретить уличныя религіозныя процессіи, звонъ въ колокола и проч. и проч. Во всемъ этомъ выражается государственный суверенитетъ, его верховенство по отношенію къ существующимъ въ его предѣлахъ религіямъ.

Не менѣе важно для полноты раздѣльнаго существованія религіи и государства полное очищеніе гражданскаго и политическаго бытія отъ какого бы то ни было вліянія и связи съ какой бы то ни было религіей.

Очищеніе это проявляется, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ. Регистрація рожденій, браковъ, смертей переходитъ изъ рукъ церкви въ руки государства и становится гражданскимъ актомъ. Этимъ самымъ граждане освобождаются отъ гнета оффиціальныхъ, для всѣхъ обязательныхъ церковно-религіозныхъ обязанностей, этимъ устраняется всякое давленіе на совѣсть и внутреннія убѣжденія каждаго и парализуются возможныя злоупотребленія со стороны церковныхъ властей. Этимъ же—особенно въ дѣлѣ брака—граждане освобождаются отъ тѣхъ тяжелыхъ, ненужныхъ и потому вредныхъ ограниченій, какимъ подвергала ихъ до сихъ поръ церковь: таковыми являлись, напр., тяжелыя, нелѣпыя условія развода и т. п. Далѣе дисциплинарныя взысканія, налагаемыя церковнымъ сообществомъ, не должны касаться ни имущества, ни личныхъ, ни гражданскихъ, ни политическихъ правъ того, на кого эти взысканія налагаются. Поэтому служба общественная и, особенно, государственная не должна стоять ни въ какой связи съ тѣмъ или инымъ религіознымъ исповѣданіемъ. Государство перестаетъ навязывать своимъ гражданамъ какія бы то ни было обязанности и ограниченія, установляемыя той или иной религіей, какъ празднованіе воскресенья, церковныхъ праздниковъ и т. п. Государство освобождаетъ гражданъ и чиновниковъ отъ присяги, какъ религіознаго обряда, отъ судебной клятвы съ призываніемъ имени Божія, а замѣняетъ ихъ торжественнымъ обѣщаніемъ служить, свидѣтельствовать и проч. по всей правдѣ, справедливости и совѣсти. Уничтожается религіозная обрядность при томъ или иномъ торжественномъ или публичномъ проявленіи государственно-политической жизни. Это же очищеніе гражданскаго и политическаго бытія отъ вліянія религіи выражается особенно въ устраненіи всякаго вліянія церковныхъ властей и религіозныхъ обществъ на государственную школу, образованіе и воспитаніе. Преподаваніе религіи перестаетъ быть обязательнымъ предметомъ во всѣхъ государственныхъ школахъ, на всѣхъ ея ступеняхъ: низшей, средней и высшей, и—при наиболѣе послѣ[illegible]мъ проведеніи принципа отдѣленія церкви отъ государства — имѣ[illegible]ся, какъ предметъ преподаванія. Наконецъ, общественная благо-

Таковы существенныя черты, въ которыхъ проявляется, можетъ и должно проявиться отдѣльное существованіе церкви отъ государства и школы отъ церкви. Обратимся теперь къ характеристикѣ отношеній государства и церкви въ отдѣльныхъ странахъ. Остановимся прежде всего на Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Эта страна впервые ввела у себя — по крайней мѣрѣ, формально — отдѣленіе церкви отъ государства. Самое провозглашеніе этого принципа относится къ концу XVIII-го столѣтія, когда въ борьбѣ за освобожденіе отъ владычества Англіи пришлось объединить всѣ элементы населенія, до того враждовавшіе между собою въ своей религіозной нетерпимости и своей сектантской обособленности... Здѣсь впервые была провозглашена свобода совѣсти и вѣроисповѣданій. Религія была объявлена свободнымъ, индивидуальнымъ проявленіемъ совѣсти и убѣжденій каждаго. Государство отказалось отъ оффиціальнаго признанія привилегированнаго положенія за какой бы то ни было религіей. Каждая религія со своими церковными установленіями получила одинаковыя со всѣми другими религіями и сообществами права, при чемъ имъ всѣмъ была усвоена полная внутренняя автономія. Школа государственная должна была также стать свободной отъ вліянія той или иной религіи, т. е. стать неконфессіональной. Но все это было объявлено въ принципѣ... Практика жизни установила совсѣмъ другія, чрезвычайно своеобразныя отношенія между религіей и государствомъ, и говорить о полномъ отдѣленіи государства отъ церкви, якобы существующемъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ,—по меньшей мѣрѣ наивно. На это указываетъ Каутскій [1]) и особенно подчеркиваетъ профессоръ Бердниковъ [2]), который указываетъ на многіе факты, свидѣтельствующіе, по его словамъ, о признаніи въ Сѣв.-Американскихъ Соедин. Штатахъ за религіей государственнаго значенія. „Такъ,—говоритъ онъ (стр. 19 и слѣд.),—Соединенные Штаты юридически обязываютъ почитать воскресный день и изъ уваженія къ святости этого дня запрещаютъ открывать въ этотъ день общественныя библіотеки, торговыя и питейныя заведенія, въ томъ числѣ театры и цирки. И государственный законъ находитъ въ этомъ случаѣ полное сочувствіе въ общественномъ мнѣніи. О направленіи общественнаго мнѣнія въ этомъ случаѣ можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Въ 1848 году введеніе въ Бѣлый Домъ новаго президента, совершающееся обыкновенно 4-го марта, совпало съ воскреснымъ днемъ. И что же? Общественное мнѣніе не позволило нарушить святость воскреснаго дня этимъ великимъ національнымъ торжествомъ американцевъ. Въ 1876 г. общественное мнѣніе американцевъ съ такою же силою высказалось противъ открытія по воскреснымъ днямъ всемірной выставки въ Филадельфіи...

Запрещается въ С.-А. Штатахъ торговля спиртными напитками по близости церкви, подъ угрозой штрафа. Нарушеніе богослуженія нескромнымъ поведеніемъ, неприличнымъ разговоромъ внутри или даже внѣ храма или молитвеннаго собранія карается тяжелымъ денежнымъ штрафомъ (25 — 500 долларовъ) или тюремнымъ заключеніемъ. Призываніе имени Божія считается обязательнымъ при всякой клятвѣ на судѣ или даже при поступленіи на государственную должность. Засѣданія конгресса и законодательныхъ собраній открываются обыкновенно молитвою, и для этого состоятъ при этихъ учрежденіяхъ особые капелланы. Состоятъ также капелланы при арміи, флотѣ и тюрьмахъ, получая содержаніе изъ государственнаго казначейства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Сѣв.-Америк. Штаты совершаютъ общія торжественныя молебствія и празднества. Такъ напримѣръ, у нихъ ежегодно, въ послѣдній

[1]) См. его брошюру: „Соціалъ-демократія и католическая
[2]) И. Бердниковъ: „Новое государство въ его отношеніи

четвергъ ноября мѣсяца, празднуется національный религіозно-политическій праздникъ. День праздника объявляется каждый разъ президентомъ С.-Амер. Штатовъ въ особомъ манифестѣ, въ которомъ онъ рекомендуетъ народу въ назначенный день собраться въ свои мѣста богослуженія, по принадлежности, для выраженія своей благодарности Всевышнему Богу за его щедроты и благодѣянія и для вознесенія Ему моленія о продолженіи ихъ. Точно такъ же и въ каждомъ отдѣльномъ штатѣ иногда назначаются дни общенароднаго моленія и поста, напримѣръ, для испрошенія Божіей милости и благословенія на земледѣльческіе посѣвы. Почти во всѣхъ штатахъ С. Америки мѣста богослужебныхъ собраній и церковная собственность освобождены отъ государственныхъ и общественныхъ повинностей; также и духовенство во многихъ мѣстахъ (въ Виргиніи, Техасѣ, Нью-Іоркѣ, Пенсильваніи и др.) освобождено отъ воинской повинности и общественной, по выборамъ, службы. С.-Американскіе Штаты предоставляютъ религіознымъ обществамъ дѣло благотворительности, помогая имъ своими средствами. Школы американскія хотя и неконфессіональны, но въ нихъ обязательно долженъ преподаваться законъ Божій. Религія, какъ основа нравственности, по понятіямъ американцевъ, необходимо должна составлять одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ воспитанія. Чтобы не затрагивать вѣроисповѣдныхъ особенностей, у американцевъ преподаются въ народныхъ школахъ главныя начала христіанской вѣры, общія всѣмъ вѣроисповѣданіямъ. Вмѣсто вѣроисповѣднаго руководства по Закону Божію въ американскихъ народныхъ школахъ читается Библія по одной главѣ каждый день предъ открытіемъ уроковъ. Затѣмъ читаются въ школѣ общехристіанскія молитвы, напр., Отче нашъ, а въ часы, назначенные для пѣнія, поются священные гимны, употребляемые при церковномъ богослуженіи.

Еще болѣе, чѣмъ въ народныхъ школахъ, имѣетъ значеніе преподаваніе религіи въ среднихъ и высшихъ американскихъ школахъ, въ такъ называемыхъ коллегіяхъ и университетахъ. По американской системѣ образованія, среднія и высшія учебныя заведенія предоставляются государствомъ на попеченіе общества. Они учреждаются и содержатся или на пожертвованія частныхъ лицъ, ревнителей образованія, или на счетъ обществъ разнаго рода. Въ этихъ заведеніяхъ образованіе проникнуто религіознымъ характеромъ. Американскіе коллегіи и университеты въ большинствѣ случаевъ носятъ вѣроисповѣдный отпечатокъ и находятся въ завѣдываніи той или другой вѣроисповѣдной общины. Понятно, что и организація ихъ имѣетъ характеръ, соотвѣтствующій ихъ направленію; во главѣ ихъ обыкновенно стоятъ ректоры изъ членовъ духовенства той или другой религіозной общины“... Далѣе, проф. Бердниковъ указываетъ, что на практикѣ принципъ изолированія общественныхъ отношеній отъ вліянія религіи проводится еще менѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ, въ отношеніи къ государственной службѣ. Многіе штаты въ своихъ конституціяхъ устанавливаютъ требованія о томъ, чтобы каждый поступающій на государственную службу вѣровалъ въ Бога, въ истину христіанской религіи или въ божественный авторитетъ Ветхаго и Новаго Завѣта. „Въ конституціи штата Нью-Гемпширъ, — говоритъ проф. Бердниковъ,—еще въ 1876 г. высказывалось требованіе: „каждый членъ палаты представителей долженъ быть протестантской вѣры; никто не можетъ быть правоспособнымъ къ избранію въ сенаторы, кто не протестантской вѣры; не протестантъ не можетъ быть и въ должности правителя“... По конституціямъ другихъ штатовъ для занятія государственной должности требуется, по крайней мѣрѣ, вѣра въ Бога и въ будущую жизнь или—какъ напр., для евреевъ—заявленіе о вѣрѣ въ будущее состояніе награды и наказанія и т. д.“. На этомъ основаніи проф[illegible]ковъ заключаетъ, что „само государство С.-А. Штатовъ и[illegible]становленную религію—религію такъ называемаго общаго христ[illegible]ства, пожалуй, и правда, но тѣмъ не менѣе остается тотъ богатый

послѣдствіями фактъ, что въ С.-Ам. Штатахъ нѣтъ ни одной религіи, за которой оффиціально признавалось бы привилегированное положеніе, ни одной церкви, которая содержалась бы на средства государства. А этотъ фактъ кладетъ непреодолимый предѣлъ какому бы то ни было существенному вліянію или злоупотребленію со стороны какой бы то ни было религіи, что не мѣшаетъ нисколько всѣмъ наблюдателямъ современной жизни Сѣверной Америки единодушно отмѣчать рѣзко выраженный отпечатокъ большой набожности и религіозности, лежащій на всѣхъ проявленіяхъ какъ частной, семейной, такъ и общественной жизни американцевъ. Объ этомъ мы находимъ краснорѣчивыя страницы у такого, напримѣръ, тонкаго наблюдателя, какъ Кнутъ Гамсунъ, въ его книгѣ, описывающей „духовную жизнь современной Америки“...

Въ Европѣ принципъ отдѣленія церкви отъ государства раньше всего былъ проведенъ въ Бельгіи. Но и здѣсь это отдѣленіе выразилось крайне неполно. Характерная черта отношеній государства къ религіи здѣсь заключается въ томъ, что государство не признаетъ ни за какой религіей ни государственнаго, ни привилегированнаго положенія, предоставляетъ каждой церкви свободу самоопредѣленія и лишь обязывается содержать служителей религіи (какъ христіанской, такъ и іудейской) на свой счетъ и давать имъ пенсіи... Но это раздѣльное существованіе церкви и государства не мѣшаетъ, напримѣръ, католической партіи играть въ странѣ выдающуюся роль и оказывать на политическую и общественную жизнь Бельгіи рѣшающее вліяніе...

Во Франціи борьба за отдѣленіе церкви отъ государства разгорается съ 1900—901 г. и заканчивается закономъ о полномъ отдѣленіи церкви отъ государства, принятымъ въ концѣ 1905-го года... Здѣсь, какъ намъ уже извѣстно, свобода совѣсти и вѣроисповѣданій впервые провозглашается великой французской революціей. Первая республика декретируетъ полное отдѣленіе государства отъ церкви, но не удерживается отъ жестокихъ эксцессовъ, въ видѣ преслѣдованія католическаго духовенства, разрушенія церквей, упраздненія монастырей и т. д... Первый консулъ Наполеонъ въ 1801-мъ году заключаетъ знаменитый конкордатъ съ папой, въ дополненіе къ которому издаются французскимъ правительствомъ такъ называемые „Органическіе члены“, болѣе подробно регламентирующіе основныя начала конкордата. Эти „Органическіе члены“ явились компромиссомъ между завоеваніями революціи, съ одной стороны, и возраставшей народной и правительственной реакціей, съ другой стороны. Этимъ регламентомъ было признано совершившееся отчужденіе церковныхъ имуществъ, были признаны и другіе культы, кромѣ католическаго [1]). За всѣми культами признается равное общественное положеніе, протестантамъ дозволено публичное богослуженіе; съ другой стороны, католическое духовенство было ограничено въ устройствѣ уличныхъ процессій въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣлись, кромѣ католиковъ, и протестанты. Регистрація рожденій, смертей, какъ и заключенія браковъ была предоставлена, вмѣсто церкви, гражданскимъ чиновникамъ. Изъ сферы церковной юрисдикціи было изъято все, что касалось отношеній гражданскихъ. Что касается внутренней организаціи, то всѣ вѣроисповѣданія, а церковь католическая въ особенности, были поставлены подъ строгій контроль государства. Для католической церкви всякое назначеніе духовенства со стороны папы или мѣстныхъ духовныхъ властей требовало согласія правительства. Всякія собранія или соборы духовныхъ лицъ также требовали дозволенія правительства. Распредѣленіе приходовъ, епископій, устройство духовныхъ семинарій, соблюденіе церковныхъ праздниковъ, матеріальное содержаніе духовенства—все это также регламентировалось и контролировалось со стороны пра-

[1]) См. Сборникъ постановленій иностранныхъ правительствъ по дѣламъ римско-католической церкви, книжка первая, 1864 г., Петербургъ, стр. [illegible] отд.

вительства. Протестанты въ своей религіозной дѣятельности и въ своемъ церковномъ устройствѣ ограничивались въ еще большей степени, нежели католики. Свобода вѣроисповѣданія была предоставлена и іудеямъ, но лишь подъ тѣмъ ограничительнымъ условіемъ, чтобы они признавали гражданскую мораль своего отечества, Франціи, и отказались отъ постановленій Ветхаго Завѣта и Талмуда, несогласныхъ съ этой моралью. Другихъ вѣроисповѣданій, кромѣ перечисленныхъ, т. е. католическаго, протестантскаго и іудейскаго, не допускалось. Католическая же церковь признавалась господствующей или, иначе говоря, религіей большинства народа. Такое положеніе вещей продолжалось съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями вплоть до февральской революціи 48-го года. Революція эта снова торжественно подтвердила свободу совѣсти, вѣроисповѣданій, равноправіе всѣхъ культовъ, ихъ автономію и ихъ отдѣльное существованіе отъ государства, но дальнѣйшія событія повернули понемногу на старую колею. Выросла вторая имперія съ ея развратомъ, съ одной стороны, и усиленіемъ католической реакціи—съ другой... Провозглашеніе третьей республики немногимъ измѣнило положеніе дѣлъ. Гнетъ римской церкви не только не ослабѣвалъ, но еще усиливался. Государство, не имѣя собственныхъ школъ, должно было предоставить обученіе дѣтей и юношества частнымъ организаціямъ. Этимъ воспользовалось духовенство и, въ лицѣ своихъ духовныхъ орденовъ, такъ называемыхъ конгрегацій, захватило въ свои руки все обученіе и воспитаніе дѣтей и юношества. И низшая, и средняя, и даже высшая школы почти всецѣло попали въ его руки. Могущество конгрегацій, имѣвшихъ возможность теперь прямо и непосредственно вліять на народныя массы, возросло необычайно. Духовенство съ помощью школъ и другихъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій повело упорную борьбу съ республиканскимъ строемъ, съ новымъ духомъ, съ возрастающимъ вліяніемъ народныхъ массъ на направленіе государственной и общественной жизни страны. Духовенство властно вмѣшивалось въ выборы, проводя въ палату приверженцевъ добраго стараго времени, когда церковь господствовала открыто и безраздѣльно; оно проводило своихъ единомышленниковъ въ армію, суды, въ министерства и чиновничество и отсюда какъ бы предпринимало внутренній крестовый походъ на республику и демократію. Духовенство создало и раздуло антисемитизмъ, создало знаменитое дѣло Дрейфуса, поддерживало и само организовывало не одинъ заговоръ противъ республики и т. д. Все это стало невыносимымъ. И Франція сдѣлала громадныя усилія, чтобы освободиться отъ ярма и разлагающаго, прямо развращающаго вліянія духовенства. Съ 1901-го года начинается борьба противъ религіозныхъ общинъ-конгрегацій, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалось все воспитаніе и все воинствующее вредное вліяніе на жизнь страны. Былъ проведенъ законъ, воспрещающій всякія конгрегаціи, которыя возникаютъ безъ разрѣшенія правительства; отнынѣ воспрещается конгрегаціямъ владѣніе имуществомъ, и наконецъ—что является наиболѣе существеннымъ—имъ запрещается педагогическая дѣятельность, воспитаніе и обученіе въ школахъ. И въ заключеніе всего, 9-го декабря 1905 г. министерствомъ Комба проводится въ законодательномъ порядкѣ законъ о полномъ отдѣленіи церкви отъ государства. Статья 1-я этого закона [1]) гласитъ, что республика обезпечиваетъ свободу вѣроисповѣданія. Она гарантируетъ свободу отправленія культа, лишь подъ условіемъ ненарушенія публичнаго порядка (ст. 2). Республика отказывается поддерживать тотъ или иной культъ назначеніемъ опредѣленнаго содержанія или другими пособіями (ст. 3). Ко времени окончательнаго утвержденія закона (1 января) всѣ церковныя имущества и дру-

---

[1]) Gesetz vom 9 Dec. 1905 über die Trennung der Kirche vom Staate. Zeitschrift für Völkerrecht, 1906, стр. 370 и далѣе. См. также: La séparation des Égli-

гія учрежденія должны быть переданы въ руки имѣющихъ къ этому времени образоваться религіозныхъ сообществъ, предвидимыхъ и регулируемыхъ отдѣломъ IV этого закона (ст. 8). Сообщества (ассоціаціи), образуемыя для отправленія культа, для сборовъ къ поддержанію этого культа и проч., должны образовываться согласно ст. 5 закона 1-го іюля 1901 г.; статья эта гласитъ, что всякое сообщество, желающее получить юридическую правоспособность, должно заявить объ этомъ черезъ своихъ основателей префекту, супрефекту или лицу, его замѣняющему. Ассоціація, правильно зарегистрованная, на основаніи ст. 6-й того же закона 1901 г., безъ всякаго особаго, спеціальнаго разрѣшенія получаетъ право пріобрѣтать, владѣть и управлять своимъ имуществомъ (ст. 19). Общества эти имѣютъ своею единственною цѣлью отправленіе культа и въ коммунахъ съ числомъ жителей менѣе 1000 должны имѣть не менѣе 7-ми членовъ: въ коммунахъ съ числомъ жителей отъ 1000 до 20000, число членовъ сообщества должно быть не менѣе 15; въ коммунахъ же съ числомъ жителей свыше 20000 — не менѣе 25 членовъ. Отчетъ о сборахъ на удовлетвореніе потребностей культа дается представителемъ сообщества или всей его администраціей не менѣе одного раза въ годъ общему собранію всѣхъ членовъ сообщества. Ни подъ какимъ видомъ ассоціаціи эти не могутъ пользоваться матеріальной поддержкой ни со стороны государства, ни со стороны департамента или коммуны (ст. 20). Ассоціаціи имѣютъ право составлять союзы съ центральной администраціей во главѣ (ст. 21); какъ отдѣльныя ассоціаціи, такъ и ихъ союзы обязаны ежегодной отчетностью передъ представителями администраціи (ст. 22). Общества, какъ и союзы, могутъ образовывать резервные фонды, которые не должны превышать опредѣленнаго закономъ размѣра (ст. 23). Въ случаяхъ нарушенія вышеперечисленныхъ статей судъ можетъ приговорить представителей общества или союза къ денежному взысканію (отъ 16 до 200 фр.) и даже закрыть общество или союзъ (ст. 25). Собранія, устраиваемыя для пропаганды того или иного религіознаго культа, считаются собраніями публичными и должны подчиняться законамъ о публичныхъ собраніяхъ вообще, т. е. закону 30 іюня 1899 г. (ст. 26). Запрещается устраивать политическія собранія въ мѣстахъ, обычно предназначенныхъ для исключительнаго отправленія культа (ст. 27). Всякія религіозныя церемоніи, процессіи и другія манифестаціи регламентируются ст. 95 и 97 закона 5 апрѣля 1884 г. Регламентируется также право звонить въ колокола (ст. 28). Запрещается выводить или возводить какія-либо религіозныя эмблемы на публичныхъ памятникахъ (ст. 30). Запрещается классное преподаваніе религіи дѣтямъ въ возрастѣ отъ 6 до 13 лѣтъ, обучаемымъ въ публичныхъ (государственныхъ или общественныхъ) школахъ (ст. 31). Всякое принужденіе со стороны религіозной ассоціаціи, направленное на отдѣльное лицо съ цѣлью привлечь его въ члены, сдѣлать его приверженцемъ даннаго культа и проч., карается денежнымъ взысканіемъ отъ 16 до 200 фр. и тюрьмой отъ 6 дней до 2-хъ мѣсяц. (ст. 32). Тѣмъ же наказаніямъ подвергаются всѣ тѣ, кто нарушитъ покой и порядокъ при отправленіи культа (ст. 38). Религіозныя конгрегаціи дѣйствуютъ на основаніи законовъ 1-го іюля 1901 г., 4 декабря 1902 г. и 7-го іюля 1904 г. Таковы существенныя статьи закона 9-го декабря 1905 г., окончательно отдѣлившаго государство отъ церкви. Какъ видно изъ ихъ перечня, всѣ онѣ устанавливаютъ частно-правовое положеніе религіозныхъ сообществъ, подверженныхъ строгому контролю государства, лишенныхъ какъ прежней денежной поддержки изъ государственной казны, такъ и всякой иной матеріальной помощи со стороны государства. Религіозное преподаваніе въ самомъ раннемъ возрастѣ также отбирается изъ рукъ духовенства и предоставляется свободной иниціативѣ самихъ родителей.

Обратимся теперь къ Германіи [1]). И здѣсь постепенно, особенно послѣ мартовской революціи (1848 г.), укрѣпляется свобода совѣсти и вѣроисповѣданія, но затѣмъ отношеніе нѣмецкихъ государствъ къ церкви получаетъ своеобразный характеръ, въ виду существованія двухъ одинаково могущественныхъ, параллельно слагавшихся церквей: католической и протестантской. Въ силу этого, на ряду съ государственнымъ авторитетомъ и внутренней церковной автономіей, вырабатывается и признаніе нѣкотораго государственнаго значенія за обѣими историческими церквами, и имъ усвояется характеръ публично-правовой, т. е. положеніе особаго покровительства со стороны государства. Градація религіозныхъ сообществъ устанавливается въ слѣдующемъ порядкѣ. Первую низшую ступень занимаютъ религіозныя ассоціаціи вполнѣ частно-правового характера, т. е. ассоціаціи, не обладающія даже гражданской правоспособностью (на такомъ положеніи находятся, напр., секты: ирвингіанцевъ, анабаптистовъ, гернгутеровъ и др.). За ними, ступенью выше, идутъ сообщества хотя и частно-правового характера, но пріобрѣтающія уже гражданскую правоспособность, т. е. права юридическаго лица, а потому нуждающіяся для своего возникновенія въ разрѣшеніи со стороны правительства. При чемъ здѣсь контроль государства выражается прежде всего въ требованіи, чтобы данное религіозное сообщество въ своемъ вѣроученіи, уставѣ, богослуженіи не противорѣчило началамъ нравственности и законамъ страны. Требуется также наличность извѣстнаго минимума числа членовъ возникающаго сообщества. Такими религіозными сообществами являются, напр., религіозныя ассоціаціи индерландскихъ реформатовъ въ Пруссіи, ассоціаціи нѣмецкихъ католиковъ въ Пруссіи. Затѣмъ, еще ступенью выше идутъ религіозныя сообщества публично-правового характера. Главною особенностью такого рода сообществъ является признаніе со стороны государства начальственной власти за религіозными наставниками и другими офиціальными лицами, стоящими во главѣ этихъ обществъ. Общества даннаго порядка берутся подъ особое покровительство государства, которое предоставляетъ имъ различнаго рода привилегіи: особо оберегаетъ ихъ и лицъ, во главѣ ихъ стоящихъ, отъ всякихъ оскорбленій, признаетъ за ними право дисциплинарной власти надъ своими членами, освобождаетъ молитвенные дома и церковныя зданія отъ налога съ домовъ, освобождаетъ ихъ духовныя власти отъ обязанностей судьи и присяжнаго засѣдателя и т. д. Къ числу такихъ сообществъ, кромѣ главныхъ двухъ, римско-католической и протестантской церквей, относятся и общества еврейскія, затѣмъ многія общества христіанскихъ диссидентовъ, какъ напр., въ Пруссіи общество гернгутеровъ, общество старолютеранъ и нѣкоторыя другія. Болѣе подробно регулируются отношенія германскихъ государствъ къ церкви католической и протестантской. При чемъ отношенія къ католической церкви носятъ своеобразный характеръ въ силу конкордата, по которому верховенство надъ католической церковью, на ряду съ государствомъ, признается и за папой. Здѣсь отношенія настолько запутаны, что сплошь и рядомъ порождаютъ самыя острыя столкновенія. Власти католической церкви стремятся признавать только верховенство папы, борясь съ вмѣшательствомъ государства; послѣднее же, съ одной стороны, предоставляя католической церкви внутреннюю автономію, т. е. свободу самостоятельно устанавливать внутреннія церковныя отношенія, касающіяся вѣроученія, богослуженія, устройства и управленія церковнаго,—съ другой стороны, энергично борется со стремленіемъ католическаго духовенства вмѣшиваться въ дѣла чисто политическія и государственныя; для этого государ-

[1]) Эта глава разработана на основаніи уже упомянутой рѣчи проф. Бердяева: Соколова, „Государственное положеніе религіи въ Германіи“, Казань, [illegible] Staat und Kirche in ihrem Verhältniss geschichtlich entwickelt“.

ство вынуждено установить строгій контроль надъ всѣми постановленіями церковной власти, выходящими за предѣлы церкви; сюда относится контроль за постановленіями церкви относительно школьнаго образованія, денежныхъ сборовъ, пожертвованій, браковъ, церковныхъ праздниковъ, уличныхъ процессій и проч., и проч. Дозволеніе государства на всѣ эти постановленія извѣстно подъ терминомъ: placet...Но это право постепенно замѣнялось требованіемъ лишь сообщенія государству о всѣхъ тѣхъ постановленіяхъ, которыя соприкасаются съ отношеніями государственными и политическими. При чемъ эти сообщенія о постановленіяхъ должны дѣлаться или передъ ихъ опубликованіемъ или вмѣстѣ съ ихъ опубликованіемъ. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ не требуется даже и такого, чисто формальнаго, сообщенія, но зато государство слѣдитъ за всѣми постановленіями—и если оно усмотритъ, что эти послѣднія идутъ въ разрѣзъ съ законами и общими интересами государства, то оно въ правѣ такія постановленія отмѣнить и даже принять репрессивныя мѣры противъ лицъ, ихъ издавшихъ. Католическая церковь имѣетъ право совершать богослуженія публично и торжественно, съ употребленіемъ колокольнаго звона. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ, кромѣ католиковъ, имѣются лица и другихъ вѣроисповѣданій, государство оставляетъ за собою право въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ—въ виду интересовъ религіознаго мира и общественнаго порядка,—разрѣшать или запрещать уличныя процессіи и иныя внѣшнія „оказательства" католическаго культа. Законодательныя нормы по этому пункту въ разныхъ нѣмецкихъ государствахъ различны. Въ особо торжественныхъ случаяхъ, какъ уличныя процессіи съ участіемъ заграничныхъ духовныхъ властей, требуется спеціальное разрѣшеніе короля (напр., въ Баваріи). Разрѣшеніе правительства требуется и на воздвиганіе въ публичныхъ мѣстахъ крестовъ, статуй, иконъ и проч. Что касается церковныхъ праздниковъ, то въ сферѣ чисто церковной католическая церковь имѣетъ право самостоятельно устанавливать и отмѣнять таковые. Тѣ же праздники, которые усвоены государствомъ, какъ праздники общегражданскіе, могутъ отмѣняться или вновь устанавливаться лишь съ согласія правительства. Послѣднее въ правѣ требовать отъ католическихъ властей устройства публичныхъ моленій по случаю гражданскихъ событій и праздниковъ, моленій за короля, хотя бы онъ и принадлежалъ къ другому вѣроисповѣданію. Подробно регулируется также и право звонить въ колокола, при чемъ государство выговариваетъ себѣ право пользованія церковнымъ колоколомъ для общежитейскихъ надобностей, напр., для предупрежденія опасности отъ огня, наводненія и проч.

Въ сферѣ церковнаго управленія всѣ нѣмецкія государства признаютъ существующее устройство римско-католической церкви, т. е. прежде всего главенство папы надъ всѣми церковно-католическими властями Германіи. Въ силу такого признанія папа имѣетъ право непосредственнаго сношенія со всѣми властями католической церкви въ Германіи; ограниченія устанавливаются (и то лишь въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ Виртембергъ, Пруссія и Гессенъ) по отношенію къ праву дисциплинарной власти папы, которая должна осуществляться черезъ делегатовъ, избранныхъ изъ мѣстнаго же нѣмецкаго клира. Въ Саксоніи существуетъ ограниченіе, по которому судопроизводство въ высшей инстанціи должно непремѣнно оканчиваться въ предѣлахъ королевства и ни въ коемъ случаѣ не можетъ перейти къ заграничнымъ судьямъ. Католической церкви предоставляется вводить тѣ или иныя церковныя учрежденія, учреждать епископіи, приходы, совершать въ нихъ тѣ или иныя перемѣны, но и здѣсь правительство оставляетъ за собою контроль надъ тѣми или иными дѣйствіями церковныхъ властей и слѣдитъ, чтобы то или иное церковное учрежденіе имѣло достаточное матеріальное обезпеченіе

Католическая церковь самостоятельно устанавливаетъ порядокъ и характеръ подготовленія кандидатовъ на духовныя должности. Но и здѣсь государству приходится слѣдить за тѣмъ, чтобы образованіе духовныхъ кандидатовъ не преслѣдовало антигосударственныхъ цѣлей (вліяніе въ духѣ ультрамонтанства). Вотъ почему отъ кандидатовъ на духовныя должности государство требуетъ общаго гимназическаго образованія и представленія аттестатовъ зрѣлости. Къ лицамъ, готовящимся на высшія духовныя должности, предъявляется обязательное требованіе прослушать трехгодичный курсъ богословія въ одномъ изъ правительственныхъ германскихъ университетовъ, гдѣ преподаваніе находится подъ надзоромъ какъ епископа, такъ и государства. Для спеціальнаго практическаго подготовленія католическая церковь имѣетъ право открывать и содержать духовныя семинаріи. Поставленіе въ духовный санъ всецѣло (кромѣ Баваріи) предоставляется усмотрѣнію католическихъ властей, но требуется, чтобы кандидаты на духовную должность были подданными того государства, въ предѣлахъ котораго они поселяются (такое требованіе существуетъ въ Баваріи, Виртембергѣ, Баденѣ), или, по крайней мѣрѣ, принадлежали къ нѣмецкой національности (Пруссія, Саксонія, Гессенъ). Затѣмъ контроль существуетъ и относительно личныхъ качествъ поставляемыхъ кандидатовъ. Церковь обязана о каждомъ избранномъ ею кандидатѣ сообщать правительству и поставлять его въ духовный санъ не раньше полученія на то согласія со стороны правительства или не раньше истеченія извѣстнаго срока, въ теченіе котораго не было представлено свѣтскими властями никакихъ возраженій. Въ случаѣ коллизіи правительство обязано подробно и точно мотивировать свой отказъ въ утвержденіи того или иного кандидата. Посвященіе кандидата, противъ котораго правительствомъ было выставлено возраженіе, не имѣетъ юридической силы. Католическія власти при своемъ поставленіи должны приносить присягу на вѣрность королю и давать обѣщаніе повиноваться законамъ страны. Церковь имѣетъ право налагать на своихъ членовъ дисциплинарныя взысканія, но лишь такія, которыя затрагиваютъ ни личныхъ, ни имущественныхъ, ни общественно-политическ благъ гражданъ; дисциплинарныя взысканія не должны быть налагаемы дѣйствія (какъ членовъ-мірянъ, такъ и членовъ клира), возлагаемыя зако на всякаго честнаго гражданина. Запрещается церковнымъ властямъ обра къ народу съ такими политическими рѣчами или проповѣдями, которыя мо волновать умы и создавать общественный безпорядокъ. Запрещается им издавать сочиненія такого рода. Строго регламентировано и существованіе Германіи монастырей и разныхъ монашескихъ орденовъ. Въ случа нарушеніе тѣхъ предѣловъ, которые установлены всѣми выше перечисленными ограниченіями, государство налагаетъ на членовъ клира уголовныя наказанія.

Протестантская церковь, формально равная въ своихъ правахъ католической, на практикѣ подвержена еще большимъ ограниченіямъ. сняется это тѣмъ, что здѣсь отсутствуетъ раздвоеніе высшей власти церковью. Поэтому здѣсь не замѣчается и такого противодѣйствія пра ственной регламентаціи, какое имѣется со стороны церкви католической. ченіе на духовныя должности прямо зависитъ отъ церковн правительств органовъ, а высшія власти утверждаются непосредственно главою государ Тѣсно связана протестантская церковь съ государствомъ и въ другихъ какъ управленіе, судъ, взысканіе десятины и проч. Ч гражданскихъ отношеній отъ связи съ религіей, то и осуществленъ формально, но на практикѣ набл отъ него отступленія. Законъ устанавливаетъ религіозн всѣхъ и предоставляетъ всѣмъ свободный

предоставляетъ гражданамъ свободу выбора религіи въ дѣлѣ образованія и воспитанія дѣтей, но зато, съ другой стороны, обязываетъ родителей дать дѣтямъ какое бы то ни было религіозное воспитаніе и образованіе; въ Германіи установленъ обязательный гражданскій бракъ, который допускаетъ, конечно, послѣ своего совершенія и бракъ церковный; гражданскими же властями регистрируются рожденія и смерти. Но къ числу отступленій отъ принципа очищенія гражданскихъ отношеній отъ связи съ религіей относятся: „признаніе государственнаго значенія за церковнымъ календаремъ, требованіе отъ вѣроисповѣдныхъ обществъ молитвы за благосостояніе государства и благоденственное житіе представителей государственной власти, требованіе присяги отъ духовенства при поставленіи на церковную степень и должность, судебная защита права патронства при замѣщеніи церковныхъ мѣстъ, содѣйствіе гражданскихъ судовъ исправному сбору приходскихъ повинностей—десятины, окладовъ на содержаніе церковныхъ зданій, взносовъ на содержаніе духовенства, административная помощь со стороны государственныхъ властей при приведеніи въ исполненіе распоряженій и судебныхъ рѣшеній, изданныхъ церковною властью, выдача жалованья и пенсіи протестантскимъ церковнымъ сановникамъ на общемъ основаніи съ государственными чиновниками и проч.“... [1]) Такимъ образомъ, въ Германіи смѣшаны начала раздѣльнаго существованія церкви и государства съ началомъ ихъ единенія и покровительства церкви со стороны государства... Но такое положеніе вещей вызываетъ большія тренія и большое недовольство въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ, исходящихъ изъ различнѣйшихъ точекъ зрѣнія. Многія духовныя лица, именно въ цѣляхъ большей самостоятельности протестантской церкви и въ интересахъ ея возрожденія, приходятъ къ требованію полнаго отдѣленія церкви отъ государства. Это требованіе извѣстно тамъ въ знаменитой формулировкѣ (данной знаменитымъ Кавуромъ): „свободная церковь въ свободномъ государствѣ“. Указывая на всѣ тренія, столкновенія, зависимость протестантской церкви отъ регламентаціи государства, профессоръ теологіи Эрнстъ Шпъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „Изъ этихъ конфликтовъ нѣтъ выхода, кромѣ дѣйствительнаго отдѣленія церкви отъ государства такимъ образомъ, чтобы дѣятельность церкви была законодательнымъ путемъ ...чена выполненіемъ лишь чисто религіозной функціи...“ Даже въ нѣдрахъ ...о католичества, какъ указываетъ проф. Трельтшъ, растетъ движеніе въ ... осуществленія этого принципа во имя интересовъ самой религіи. Къ при...цамъ этого принципа относятся кардиналъ Newman, Sabatier, въ Италіи—...ni, въ Польшѣ—философъ Дзеховскій и мног. др.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ странахъ Западной Европы, ...оложеніе вещей немногимъ отличается отъ такового же въ Германіи. ...остается только, въ заключеніе, установить, что вопросъ объ отдѣленіи отъ государства настолько ясенъ въ сознаніи просвѣщенныхъ людей ... что его полное проведеніе въ той или иной странѣ является лишь вопро... времени, и моментъ окончательнаго осуществленія этой важной задачи ...ремени долженъ наступить тѣмъ скорѣе, что отдѣленіе церкви, прове...а нашихъ глазахъ во Франціи, дало сильнѣйшій толчекъ для работы ...венной и общественной мысли именно въ этомъ направленіи.